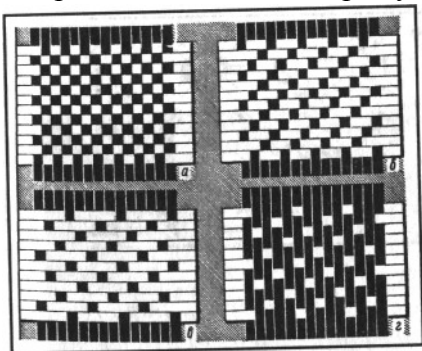

На вопрос о значимости одежды русский народ ещё в древности ответил пословицей: «Голоден преходит град, а наг ни двора». Неизвестен автор сего изречения, как безымянны изобретатели, подарившие миру рубашку и шапку, рукавицы и носки, стол и стул, лодку, парус, колесо...

Правда, Анатолий Васильевич Громов, редактор издающейся с 1993 года в Санкт-Петербурге газеты «Страницы российской истории» в первом номере опубликовал «Приблизительную хронологию древнего славянства», назвав имя изобретателя колеса — Колодей (появление колеса он относит к 10000-7000 годам до Р.Х.). Но исключение лишь подтверждает правило. Что-то люди подсмотрели у природы (ту же лодку), иные предметы — плоды раздумий и смекалки (горшок, ложка, чашка), но воистину гениален тот, кто сумел среди разнотравья разыскать лён (на севере) или коноплю (на юге), догадаться, что внутри длинного стебля спрятаны нити! И не только увидеть, но и сообразить, как эти нити извлечь, как приготовить из них пряжу, как срезать лён с корня, как расстилать его в поле или вымачивать в

Простое переплетение нитей в тканях:
а — полотняное; б — саржевое;
в — сатиновое; г — атласное.

ручье, как и где сушить, каким образом мять и трепать, дабы отделить волокна от кострики — грубой коры стебля (получить льняную нить гораздо труднее, нежели шёлковую: шёлк «прядёт» насекомое, и человеку остаётся лишь присвоить результат чужого труда). Недюжинным умом обладал и тот, кто первым научился переплетать нити так, чтобы получилась ткань. Вернее не тот, а та — учёные считают: ткачество изобрели женщины. В природе нет готовой ткани, и человеку пришлось доходить своим умом до приспособления — ткацкого станка, — чтобы получить полотно, переплетая нити, как показано на рисунке. Здесь материя сложена из нитей белого и чёрного цветов; чёрные, продольные нити — основа, белые, поперечные — уток. Нити основы гораздо прочнее нитей утка, видимо, отсюда и название — основа: на них как бы

основывается, крепится полотно.

А такая мелочь, как иголка? Мелочь-то мелочь, а без неё куском ткани можно лишь обернуть тело, что и донныне делают люди, скажем, в Индии. Изобретение нити вызвало потребность и в иголке. Недаром молвится: «Куда иголка, туда и нитка», «Иглою да бороной деревня стоит». Первые иглы делали из кости; их обнаружили в захоронениях, коим 32 тысячи лет. Из какой материи тогда шили одежду, сказать трудно: самые ранние из дошедших до нас кусочки ткани из льна согревали наших далёких предков семь тысяч лет назад.

Изготовление одежды из шкур требовало не только навыков, умения, но и — смекалки. Ведь шкура, снятая с того же волка, просто-напросто сгниёт на плечах, если... Вот это «если» и заставило охотника, укрывшего себя тёплым мехом, искать способ предохранения шубы от порчи. И он подметил, что шкуры, вымоченные в луже под дубом и затем высушенные — меньше гниют. Так люди открыли свойство коры дуба (и некоторых других деревьев, например, ольхи) укреплять кожи, не давать им разлагаться. Технология дубления кож служила человеку тысячелетия.

Ткачиха. Работа мастера Баканова из Палеха, 1926 год.

Сначала шкуру вымачивают в отваре дубового корья — не меньше и не больше положенного срока, весьма длительного: дубленье сапожного товара, особенно подошв, длится несколько месяцев. Причём кожу, идущую на подметки, прежде погружают в раствор золы — сгоняют шерсть. Потом кожу сушат, мнут — не вспотеешь в шубе, не попотев над выделкой и шитвом. Бывает, что и даром: счищая мездру, изнанку шкуры, невзначай тронут и замездрину — слой, в котором укреплены корни волос, — шкура облысеет — какая уж тут шуба...

Древнейшие ремесленники находили в природе нужные для поделок материалы, иногда — неожиданные и удивительные для

нас. Скажем, всем известна присказка — «на рыбьем меху», то есть одежда холодная, продуваемая ветром, но мало кто знает, что умельцы в Тобольске из выделанной кожи налима делали мешки, кошельки, оконницы (плёнки вместо стёкол) и даже — халаты!

«Голь на выдумки хитра», а «Ремесло — не коромысло, плеч не оттянет» — приходилось нашим прадедам трудиться так, что «ноготки заламывались», ибо «Как потопашь, так и полопашь».

Полвека назад в учебнике «Родная речь» (продолжение «Букваря») привлекали учеников две картинки с одной подписью «Прежде и теперь». На первой — мальчик лет семи-восьми в тулупчике, валенках, шапке-ушанке с полными вёдрами воды переступает порог избы; в глубине комнаты — мама стирает, склонясь над корытом. На другой картинке — мальчик в городской квартире играет с мячом. Рисунки эти призваны были убеждать ребят, как тяжело жилось детям прежде и как хорошо теперь. И рассказы в «Родной речи», и параграфы учебников истории, географии, литературы прививали мальчишкам и девчонкам своеобразный временной шовинизм, то есть чувство превосходства над людьми, жившими «и сто, и двести лет назад». Помню, я искренне жалел, читая исторические романы, героев, коим приходилось топить печь и жечь лучину, ездить в санях, влекомых лошадьёю... Настоящая жизнь, думал я, у нас и у тех, кто будет жить в XXI веке.

И не было рядом никого, кто бы подсказал: насладиться жизнью можно в любом веке, а счастье людское не зависит от способа освещения горницы, а прогресс — это не движение от простого к сложному: завтра станет лучше, чем вчера. Более того: жизнь не усложняется, но — упрощается, причём простота эта из разряда тех, которые хуже воровства. Вернее, воровство здесь и замешано. Вернёмся к картинкам из «Родной речи». Мальчика, играющего в мяч, как раз-то и обворовали, до зрелых лет оберегая от труда, что противоестественно: безделье разрушает личность. В старину тем редким матерям, излишне нежившим, баловавшим детей, мудрые люди напоминали: «Засиженное яйцо всегда болтун», то есть из лентяя не вырастет путного человека. Заходя в избу, гости кланялись хозяевам со словами: «Дай Бог батюшке здоровья, а детки все к промыслу», ставя умение трудиться наравне со здоровьем. И если бы нашим прапрадедам довелось побеседовать с нами, посмотреть, как мы живём — они бы ужаснулись той примитивности мыслей и чувств, из которых сотканы наши представления о мире. Даже костюм современного человека проигрывает по всем статьям облачениям людей прошлых веков: он некрасив, непрочен, а то и вреден для здоровья.

Ну, а коли кто скажет: «Зато мы делаем ракеты и перекрыли Енисей»... Енисею, как и обитателям его берегов жилось лучше без плотины, что же до ракет... В Индии вот уже не одно тысячелетие стоит железная стела, стоит и не ржавеет. Ходят специалисты вокруг неё, исследуют, нет ли в ней каких-нибудь добавок, оберегающих от коррозии? Нет, чистое железо, которое по всем законам физики должно окисляться, однако — ни пятнышка ржавчины.

Также современной ткацкой технике не удалось превзойти ни китайскую камку, ни персидский бархат, ни коптские (Копты — дальние родственники русского народа, арийское племя, населявшее в древности Египет.) ткани, хранящиеся в музеях.

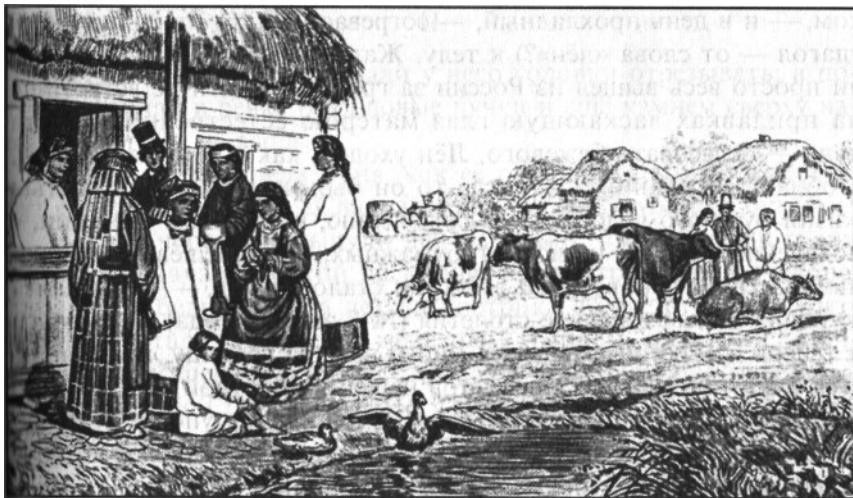
Спору нет: сегодня наука может объяснить больше, нежели средневековые алхимики или учёные античности. Но объяснить существующее и создать новое — не одно и то же. Тысячелетия люди носят шерстяные вещи. Разгадать же, почему она сваливается в войлок и почему греет, даже промокнув под дождём, люди смогли, взглянув на волосы под микроскопом.

Оказалось, что в квадратном сантиметре шкуры насчитывается до 20000 волосков. И каждый из них — чешуйчатый, то есть наружный слой подобен черепице на крыше. На «черепице» волоса вода не задерживается, быстро стекает, не давая шерсти промокнуть. При этом черепица проницаема для водяных паров, шерстяная одежда способна поглотить до 60 % влаги (по отношению к своей массе), оставаясь на ощупь сухой. Если человек остыл или перешёл в сухое помещение, шерсть постепенно отдаёт накопленную влагу. Благодаря это-му свойству шерстяное нижнее бельё, валяная обувь, чулки действуют как насос, сначала вбирая выделяемый человеком пот, а затем отдавая влагу в наружную среду.

Уникальная черепицеобразная поверхность шерстяных волокон — главный фактор ценного свойства шерсти: при много-кратном сминании, скручивании, валянии с одновременной обработкой водой или слабым раствором кислоты зазубрины на чешуйках прочно цепляются друг за друга, волокна сближаются и переплетаются, образуя плотный конгломерат — войлок, хорошо сваливается шерсть грубошерстных овец, которая не годится для пряжи. Из неё и делают обычный войлок. Из пуха кроликов и зайцев готовят особо мягкий войлок — фетр. Шерсть овец, коз, кроликов, верблюдов, лам идёт на пряжу, а вот шерсть лисиц, енотов, нутрий — не годится. В шуточной песне о Дуне-тонкопряхе язвили: она «пряла не тоньше полена». Научиться прядь тонко удавалось не всем, хотя девочки с семи-восьми

лет садились за прялку. Каждая мечтала прясть так тонко, чтобы триста нитей, сложенных вместе, протянуть в обручальное кольцо, — тех, кому удавалось такое, и звали тонкопряхами.

Мастерового человека на Руси уважали, о чём свидетельствуют сотни пословиц: «Дело мастера боится», «Труд — отец богатства, земля — его мать», «Добрая работа два века живет»... Даже такая пословица — «Работа не волк, в лес не убежит», — говорит о том же, ибо произносили её с иронией, насмехаясь над лодырями, коих было — один-два на село.

Великороссы в воскресный день. Рисунок XIX столетья

соседу, а то и приглашать мастера из соседней деревни, но стремились обходиться своими силами. «Ремесло пить-есть не просит, а само кормит», — наставлял отец сына, с малолетства приучал его к труду на своей земле. Ремесло и кормит, и одевает-обувает, ведь до начала XX века русский человек сам себе тачал сапоги из кожи выращенного на собственном подворье телёнка, сам шил рубашку из домашнего полотна, сотканного из конопли, выращенной за гумном. Работая от зари до зари, наш крестьянин, даже крепостной (а по статистическим данным 1858 года их в России оставалось всего 33 %), отбывая барщину, — три дня в неделю, — оставался самым свободным человеком, ибо зависел только от Господа Бога: даст Бог дождь — будет урожай, даст здоровье — всё остальное он сделает своими руками. Нас сейчас пытаются убедить, что мы наконец-то обрели свободу. Помилуйте, о какой свободе можно говорить, если обычный человек ныне полностью зависим от магазина (т.е. от людей, которые хотят — завезут товар в магазин, а захотят — в любой момент оставят вас голодными). Хлеб... Большинство сегодня и не представляет, как он растёт. Одежду нам привозят из Турции... Вот и подумайте, кто более свободен: полагающийся лишь на труды своих рук или же пользующийся плодами труда сотен людей?

«Солнце, воздух и вода — наши лучшие друзья» — провозглашает курортный афоризм. У русского мужика в старину самыми верными друзьями были рожь, лён, конь, корова и овца. Рожь и корова его кормили, конь — первый помощник и дома, и в дороге (Саратовский краевед А. С. Папшев утверждает: коня впервые приручили именно в наших краях скифы. Древний город Увек (Укек) свидетельствует тому: слово «укек» с древнерусского переводится как «конь»), а лён и овца одевали его с головы до пят. «По горам, по долам ходит шуба да кафтан». Из овчины — выделанной шкуры овцы — шили тулупы, шубы. Из состриженной шерсти пряли нити и ткали сукно на кафтан. Что такое кафтан, понятно из двух пословиц: «Рубаха кафтана к телу ближе», «И кафтан греет, когда шубы нет». В. И. Даль так растолковывает слово «кафтан» — верхнее, долгополое мужское платье разного покроя: запашное, с косым воротом, чапан, сермяга, суконник, армяк; обычно кафтан шьётся не из домотканины, а из синего сукна...»

«Шёл я в осень, нашёл я восемь, мясо бросил, шкуру износил, а голову съел», — что это такое? Не догадались? Тогда такая подсказка: «Били меня, колотили, во все чины производили, на престол с царём посадили?» Ещё загадка о том же: «Мал малышок в сыру землю зашёл, синю шапку нашёл?» Теперь уже нетрудно понять: речь идёт о растении с мягким и певучим именем — лён. Из льняного семени давили вкусное и душистое масло — отсюда «голову съел». «Мясо бросил» — кострика, очёски — грубая часть стебля, негодная в дело, а и шкуру износил — собственно сами волокна, из коих прядут нити. «Во все чины производили, на престол с царём посадили» — льняное бельё носили все сословия, от крестьян до царствующих особ, ибо нет ткани, как сейчас говорят, гигиеничней, нежели льняное полотно. Средневековый учёный Абу Али Ибн Сина, известный больше как Авиценна, так отзывался о разных тканях:

Наши предки различали понятия «мастерство» и «ремесло». Василий Иванович Белов как-то подсчитал: наш крестьянин за жизнь осваивал около трёхсот трудовых операций: пахал, сеял, косил, молотил, рубил деревья и дома, пилил и колол дрова и т. д. и т. п. Конечно, что-то ему удавалось лучше, что-то хуже — Тои господин, кто всё может сделать один», потому что — Не выучит охота, выучит неволя». Правда, помнили и такую поговорку: «Хорошо, если сам всё можешь сделать, да не ладно, когда сам всё делаешь», иной раз приходилось обращаться за помощью к

Шёлк с хлопком избыльны теплотою,
Льну не присуще качество такое.
Тепла верблюжья иль овечья шерсть,
Хоть сухость в ней и грубоватость есть.

На вкус и цвет товарищей нет: мне нравится моя льняная рубашка и в жару, — ткань приятно холодит, продувается ветерком, — и в день прохладный, — согревает, мягко прильнув («сей глагол — от слова «лён»?) к телу. Жаль, лён вышел из моды, то ли просто весь вышел из России за границу: почти не встретишь на прилавках ласкающую глаз материю естественного цвета льна — белесовато-бежевого. Лён уходит, как и многое на Руси, в область преданий... А когда-то он был неотъемлемой частью жизни русского человека. «К сожалению, в прошлом столетии, с появлением хлопка и хлопчатобумажных, более дешёвых фабричных изделий, льноводство в России стало падать, — сокрушался журнал «Нива» в начале столетия (№ 7 за 1911 года).— Правда, и теперь из России вывозится много льна за границу, и лён является одним из главных предметов нашей экспортной торговли; но в самом народе льняные материи почти уже не употребляются, вытесненные ситцами и дешёвыми «набивками» — плохими, хотя и дешёвыми, хлопчатобумажными материями».

Сеют лён и ныне, но всё меньше и меньше голубеньких цветочков остаётся на русском поле...

Педагог и писатель Константин Дмитриевич Ушинский в прошлом веке написал об этом замечательном растении, пожалуй, самом «домашнем» из всех «приручённых» человеком, рассказ «Как рубашка в поле выросла».

I

«Видела Таня, как отец её горстями разбрасывал по полю маленькие блестящие зёрна, и спрашивает: «Что ты, тятя, делаешь?» — «А вот сею ленок, дочка: вырастет рубашка тебе и Васютке». Задумалась Таня: никогда она не видела, чтобы рубашки в поле росли.

Недели через две покрылась полоска зеленою шелковистою травкой, и подумала Таня: «Хорошо, если бы у меня была такая рубашечка!». Раза два мать и сестры Тани приходили полоску полоть и всякий раз говорили девочке: «Славная у тебя рубашечка будет!». Прошло ещё несколько недель: травка на полоске поднялась, и на ней показались голубые цветочки. «У братца Васи такие глазки, — подумала Таня, — но рубашечек таких я ни на ком не видала».

Когда цветочки опали, то на месте их показались зелёные головки. Когда головки забурели и подсохли, мать и сестры Тани повыдергали весь лён с корнем, навязали снопиков и поставили их на поле просохнуть.

II

Когда лён просох, то стали у него головки отрезывать; а потом потопили в речке безголовые пучки и ещё камнем сверху навалили, чтобы не всплыл.

Печально смотрела Таня, как её рубашечку топят; а сестры тут ей опять сказали: «Славная у тебя, Таня, рубашка будет!»

Недели через две вынули лён из речки, просушили и стали колотить сначала доской на гумне, потом трепалом на дворе, так что от бедного льна летела кострика во все стороны. Вытрепавши, стали лён чесать железным гребнем, пока он сделался мягким и шелковистым. «Славная у тебя рубашка будет!» — опять сказали Тане сестры. Но Таня подумала: «Где же тут рубашка? Это похоже на волосики Васи, а не на рубашку».

III

Настали длинные зимние вечера. Сестры Тани надели лён на гребни и стали из него нитки прясть. «Это нитки! — думает Таня. — А где же рубашечка?»

Прошла зима, весна и лето, настала осень. Отец установил в избе кросна, натянул на них основу и начал ткать. Забегал проворно челночок между нитками, и тут уже Таня сама увидела, как из ниток выходит холст.

Когда холст был готов, стали его на морозе морозить, по снегу расстилать; а весной расстилали его по траве на солнышке и взбрызгивали водой. Сделался холст из серого белым, как кипень.

Настала опять зима. Накроила из холста мать рубашек; принялись сестры рубашки шить и к Рождеству надели на Таню и Васю новые, белые как снег рубашечки».

Восточная пословица замечает: «Если сказать сто раз «халва, халва», — от этого слаще во рту не станет». А русская пословица утверждает обратное: «Если сто раз назвать человека свиньёй, то он захрюкает». Слово имеет огромную силу, как созидательную, так и разрушительную. Вероятно, каждый слышал выражения: «Домострой», «он живёт по домострою»,

Школьные учебники утверждают: Катерина из пьесы А. Н. Островского «Гроза» погибла, выражая протест против домостроевского уклада жизни. «Лучшие умы» прошлого века — Тургенев, Л. Толстой, Короленко, Горький, тем более писатели советского времени внушали мысль о Домострое как о плётке в руках отца. Если он не пускал дочь на дискотеку, не разрешал ей дружить с подругами сомнительного (а то и несомненно порочного) поведения — его упрекали в приверженности к Домострою.

Я неоднократно повторил слово «домострой», не поясняя, что же это такое. Примерно так поступали и критики Домостроя: обвиняли его в мракобесии, ругали на все лады за реакционность, и в умах людей сложилось впечатление: Домострой — это плохо. Ежели кто хотел узнать, а что именно плохо, ему толкователи Домостроя отвечали: «Разве хорошо, коль муж бьёт жену, лупит детей?» И якобы цитировали: «Да убоится жена мужа своего». Тут даже самый недоверчивый соглашался: это действительно ужасно.

Домострой — система взглядов на жизнь, сам уклад русской жизни XVI века. Протопоп придворного Благовещенского собора в Кремле Сильвестр, — сподвижник молодого царя Иоанна Грозного, — собрал воедино разрозненные поучения и наставления в книгу и дал ей название — «Домострой». В советское время книга не переиздавалась, но в 1990-х годах появилось несколько публикаций этого замечательного памятника русской истории и литературы, в том числе и академическое (СПб., «Наука» 1994), и теперь каждый может сам составить своё мнение о Домострое, а не повторять за «толкователями»: «Мы не читали, но решительно осуждаем».

Давайте перелистаем главы «Домостроя», посвящённые рукоделию. Вот глава тридцать третья, в которой хозяйка наставляется «всякий домашний обиход и рукоделье всякое знать, и слуг обучать, и самой — трудиться»:

«А которая жёнка или девка рукодельна, так той указать дело: рубашку шить или вышить убрус да выткать, или шить на пяльцах золотом и челками — какую из них чему научили, да и это всё доглядеть и заметить. И каждой бы мастерице сама хозяйка отвесила и отмерила пряжи и шёлка, золотой и серебряной ткани, и тафты и камки, и рассчитать, и указать, сколько чего надобно и сколько чего дать, и выкроить и примерить — самой знать всякое рукоделие. Да и сама хозяйка ни в коем случае никогда, разве что занедужит или по просьбе мужа, без дела бы не сидела, так чтоб и слугам, на неё глядя, повадно было трудиться».

Теперь понятно, почему не переиздавалась книга? Нас учили, что всякие там буржуи и помещики только и делали, что эксплуатировали крестьян да рабочих, а тут — «никогда бы слуги не будили хозяйку, но сама хозяйка будила слуг», и, как сказано в следующей главе, «а рубашки нарядные мужские и женские и штаны, — всё то самой кроить или велеть при себе кроить».

Во времена «Домостроя» ни княгине, ни царской дочери и в голову не могло придти, что можно весь день просидеть сложа руки. Аксиныя Годунова, дочь царя Бориса, славилась своим рукоделием, — прекрасно вышивала (к слову, она знамени-га и песнями, которые сама сочиняла и пела). До Ивана III все правители Руси, начиная с известных нам Гостомысла и Рюрика, возглавляли в походах войска; сами сражались с оружием в руках наравне с простыми ратниками, причём князь владел копьём и мечом не хуже, а лучше всех своих воинов: на то он и князь!

Глава тридцать пятая «Домостроя» предписывает хозяйке, «как кроить различную одежду и хранить остатки и обрезки»: "Если случится одежду какую кроить, себе и жене или детям и работникам: камчатное или тафтяное (Объяснение непонятных слов см. в конце книги, в разделе «Толкования слов, касаемых старинных одежд и облачений, головных уборов и обуви, данные Владимиром Ивановичем Далем»), шерстяное или златотканое, хлопчатое или суконное, из серпанки или сермяжное, или шубу, или кафтан, или терлик, или однорядку, или кортель, или летник и каптур, или шапку, или нагавицы, или какое иное платье; или кожи какие кроить на сагайдак, на седло, на шлею, на сумки, на сапоги, — так уж сам господин с госпожой смотрят и подбирают товар; остатки же и обрезки хранят, остатки те и обрезки разные ко всему пригодятся в домашнем деле: заплату наставить на обветшавшей одежде или новую удлинить, или какую из них починить, — тогда вот остаток или обрезок и вырчит; на рынке устанешь, подбирая по цвету и виду, да и втридорога купишь, а иногда и не сыщешь. Если же придётся какую одежду кроить для молодых, сыну или дочери, или молодой невестке, какая одежда ни будет, мужская или женская, любая хорошая, то, кроя, загигать нужно по два вершка и по три на подоле и по краям, возле швов и по рукавам; а как вырастет он годика через два или три-четыре, то, распоров такую одежду, выправить загнутое, и снова в пору будет одежда лет на пять или шесть. А какая одежда не на каждый день, кроить её так же».

Наставлял «Домострой» как жене носить разную одежду и сберегать её: «А платья и рубашки и платки на себе носить бережно каждый день, не испачкать, не измазать, не залить, на мокрое не сесть и

не класть, и всё то, с себя снимая, складывать бережно и хранить это строго; и слуг научить тому же.

У самого господина и у госпожи у детей и слуг — когда нужно работать, делать это в одежде ношеной; закончив же дело, переодеться в одежду повседневную, и сапоги тоже. А в праздники и в хорошую погоду, да и на людях или в церковь идти и в гости, надеть одежду нарядную, с утра осторожно ходить и от грязи, и от дождя, и от снега беречься, питьём не залить, едой и салом не пачкать, на кровь не сесть и на мокрое. С праздника или из церкви, или из гостей воротясь, нарядное платье с себя сняв, оглядеть его, высушить, выгладить, мести, вычистить да хорошенько уложить, где хранится оно. А повседневное всякое платье, верхнее и нижнее, и сапоги, всегда бы всё было вымыто, а ветхое заплата и зашито, так что и людям посмотреть не совестно, и себе хорошо и прибыльно, и нищему дать во спасение. Платье же всякое и всякий наряд, сложив и свернув хорошенько, положить в сундук или в коробью; да под замком бы всё было — тогда никакой беды не боишься».

А вот и то место, которое так возмущало недоброжелателей «Домостроя»: «А увидит муж, что у жены непорядок и у слуг или не всё, как в книге этой изложено, сумел бы свою жену наставлять да учить полезным советом; если она понимает — тогда уж пусть так всё и делает, и уважить её, да жаловать, но если жена науке такой, наставлению не последует и того всего не исполняет (о чём в этой книге сказано), и сама ничего из того не знает, и слуг не учит — должен муж жену свою наказывать, вразумлять её страхом наедине, а наказав, простить и попенять, и нежно наставить, и поучить, но при том ни мужу на жену не обижаться, ни жене на мужа — жить всегда в любви и согласии».

Слугу за провинность предлагалось «плетью же, наказывая, бить осторожно, и разумно и больно, и страшно и здорово -если вина велика», при этом строго-настроено указывалось «ни за какую вину ни по уху, ни по лицу не бить, ни под сердце кулаком, ни пинком, ни посохом не колотить, ничем железным и деревянным не бить».

Критики «Домостроя» любили цитировать эти строки, никогда не упоминая такого наставления хозяину: «Во всяком деле кто хорошо, бережливо и бесхитростно служит, по наказу всё исполняет, того пожаловать и привечать его добрым словом, едой и питьём одарить, и всякую просьбу его исполнить». Протопоп Сильвестр не сам придумывал правила поведения: они существовали в жизни, может, и не в том идеальном виде, в каковом автор закрепил их в книге, «называемой Домостроем, которая содержит в себе полезные сведения, поучения и наставление каждому христианину — и мужу и жене, и детям, и слугам, и служанкам». «Домострой» освящал ту не-разрывную цепочку, на которой держалась Русская жизнь: Государство — Церковь — Семья. Эти самобытные начала и не устраивали врагов русского миропорядка. Сломать это единство, уничтожить и государство, и церковь, и семью — вот к чему стремились те, кто и на дух не переносил заветы «Домостроя». Вступить открыто не решились — стали порочить, высмеивать отдельные положения книги, извращать их смысл, дабы посеять сомнения в народной душе: а правильно ли он живёт? Капля камень точит: ненавистникам всего русского удалось внедрить в общественное сознание мысль: «Домострой — это устаревшее и вредное учение, мешающее современной жизни».

Вернуться к жизни по Домострою нам вряд ли удастся: не войти дважды в одну реку, однако разумно ли пренебрегать ценным опытом, накопленным за века нашими соотечественниками? Настоятельно советую всем, кто хочет лучше узнать русский народ, понять его душу и постичь его дух, не спеша перечитать книгу «Домострой». Ведь любить можно лишь то, что хорошо знаешь. А знаем ли мы свою историю?

«От сна восстав», мы надеваем майку, рубашку, брюки, пиджак, зимой — пальто, шарф, шапку, на ноги — ботинки или сапоги. Девочки и женщины наряжаются в платье или юбку с блузкою, а то и так, что их от мужчин не отличишь: в брючный или джинсовый костюм. Гардероб современного человека чрезвычайно беден, особенно у сильного пола — штаны, рубашка, свитер. У женщин хотя и разнообразнее одеяния, однако и они вызвали бы сочувствие красных девиц Древней Руси, перечень одежд коих занял бы всю эту страницу.

Кафтан, опашень, ферязь, уляди, охабень, армяк, бугай, емурлук, мурмолка, епанча, душегрея, скуфья, саян, зипун, чуга — как тут разобраться, что есть одежда мужская и что женская, какую потребно носить в холода, а какую — в жару, в каком порядке надевать на себя: кафтан на зипун или наоборот?

Если кто скажет, мол, не всё ли равно, что надевать под спод, тот будет не прав: в старину к своему наряду относились не как мы с вами — хотим, в шортах на улицу выйдем, а то и джинсы сойдут. Представьте, просыпаетесь вы однажды в княжеской или царской опочивальне веке этак в XV. Постельничий склоняется над вами и вопрошает: «Княже, на охоту сегодня или в монастырь на богомолье поедем? Какую одежду подавать?» Конечно же, угадать вы не угадаете и... Вас разоблачат:

никакой вы не князь, а самозванец. (Глагол «разоблачать» — очень выразительный: разоблачать — раздевать, обнажать, выводить на чистую воду, делать явными тщательно скрываемые намерения, как скрывают складки платья телесную наготу). Один из самозванцев, кажется, Лжедмитрий II, погорел из-за мелочи. Будучи не русским, но хорошо владея языком и одеваясь подобающим образом, сумел убедить многих, что он - чудом спасшийся сын Иоанна Васильевича. Но его нежелание спать после обеда вселило первые подозрения. В те времена люди вставали рано, с солнышком, и ко сну отходили с закатом светила. День летний долог, к обеду людей смаривало, и часок-другой они отдыхали. Лжедмитрий же, не привычный к такому, бодрствовал, что и выдало его: не спать, по крайней мере не отдыхать после обеда считалось ересью, как и всякое отступление от обычаев предков (ересь — нарушение православных норм, их искажение).

Спали в старину не на кровати — на лавке, прикреплённой к стене. К ней приставляли другую лавку, переносную, и на них клали постель, состоявшую из пуховика (или перины), изголовья и подушек. Изголовьев было два: нижнее называлось бумажным и подкладывалось под верхнее, на верхнее клали три подушки. Простыня сверху перины — полотняная или шёлковая. Перины набивали лебяжьим или чижовым пухом. Наволочки обычно шили из белой или красной тафты, одеяла подбивали заячьим мехом. В праздники на изголовья и подушки надевались наволочки камчатные, бархатные, атласные красного цвета, шитые золотом и серебром, унизанные по краям жемчугом. Одеяла тогда постилали тоже нарядные — атласные, подбитые соболями. Впрочем, постель — привилегия богатых, да и они держали её только для вида, предпочитая спать на медвежьей шкуре либо на простом матрасе. У крестьян постелью служили войлоки, многие же спали на печках, постилая под голову собственное платье. Не в диковинку им была и «постель» из голых досок.

Просыпаясь на лебяжьей перине ли, соскакивая с печи или разминая затёкшие на досках руки-ноги, во что же облачались наши предки?

Прежде всего надевали исподнее платье, называвшееся в языческие времена портами (одежда типа брюк), а позднее — исподницами (Н. М. Карамзин в «Истории Государства Российского» объясняет, что «портами называлась вообще одежда; теперь в сем значении осталось только имя портной»). Само слово «порты» произошло от изначального «портно» — так назывался когда-то узкий грубый холст, из которого шили крестьянские рабочие рубахи.

Русские штаны-исподницы не у всех шились из холста: зажиточные зимой надевали суконные, летом — тафтяные либо же из иной лёгкой шёлковой материи. Князья, бояре — те предпочитали порты из парчи либо из тяжёлых шёлковых тканей, например, из объяри. Шёлковые и парчовые штаны были холодные на лето, и тёплые, на осень и зиму. Шились они недлинными, до колен или немного ниже, без разрезов, с узлом. Развязывая и завязывая узел в нужном месте, можно было делать штаны уже или шире. Узел завязывался на гашнике — шнуре или верёвке; гашник удерживал порты на талии или (чаще) бёдрах. По названию этого шнурка иногда и порты именовали гашами. Отсюда и малороссийская поговорка «Спрятать в загашник» т.е. схоронить что-либо в надёжное, потаённое место, откуда трудно украсть. Узел, как правило, завязывали впереди; иногда — сзади, что видно из поговорки «Те же портки, да наперёд узлы», т.е. одно и то же.

Порты носили только мужчины, их жёны и дочери не знали сего одеяния до 30-х годов XX века, довольствуясь длинной, до щиколоток, рубашкой. Такие же длинные сарафаны и верхняя одежда, имеющие форму колокола (такого типа одежда имеет свойство сохранять внутри себя тепло) позволяли нашим красавицам не мёрзнуть и в зимнюю стужу: до колен «колокол» согревал ноги, ну а ниже — шерстяные чулки да сапожки защищали от холода.

Традиционно порты кроились и изготавливались неширокими (так называемый русский покрой). Традиция эта идёт с незапамятных времён: на скифских вазах середины I века до Р. Х. нарисованы воины в нешироких штанах, почти таких же, как крестьянские порты XVIII-XIX веков. Хотя их шили не широкими, но конструкция (две штанины, называемые колошами, и вставка-ширинка) позволяла свободно шагать, и тогда не поняли бы пословицу: «Широко шагаешь — штаны порвёшь». «Узкое» место в портах другое, понятное из пословиц: «И рад бы погнался, да гашник порвался», «И рад бы не поддался, да гашник оборвался (в борьбе)».

Низ штанин не свисал, как у современных брюк, а закреплялся у голени онучами, которыми обёртывали ноги до коленей. Если же носили сапоги, то колоши засовывали в голенища. Колоши — нижняя часть брюк — назывались ещё штанинами, штиблетами, камашами, паголенками. И когда в рассказах писателей XIX века или в произведениях фольклора встречается дразнилка «Алёша, подвяжи колоши!» (так дразнили нерях), то калоши — резиновая обувь — тут ни при чём: подвязывать Алёше нужно штанины.

На юго-востоке Руси в порты заправляли рубашку, в отличие от других местностей огромной страны, где рубашки носили навыпуск.

Называть порты штанами стали, вероятно, во времена Золотой Орды: порты на Руси относили к предметам нижней одежды, а тюркское слово «иштон» (штаны) составлено из «иш» — внутренний, и «тон» — одежда, по-другому — нижняя одежда. Со скифской древности и до середины XIX века порты служили воинам и пахарям, бедным и знатым. Но во второй половине прошлого века русский крестьянин сменил порты на штаны, которые держались на талии поясом и застёгивались на пуговицы. Впрочем, и порты ещё некоторое время не исчезали из обихода: их стали надевать на работу, использовать как исподнюю одежду. Ныне они — остались на слуху словом «портной», в котором мало кто угадывает изначальный смысл.

Другой предмет одежды, который тоже «ближе к телу» — это рубашка. Кстати, пословица «Своя рубашка ближе к телу» — не русская, а немецкая. Ввела её в оборот императрица Екатерина II. Русские, готовые последнюю рубашку отдать человеку, попавшему в беду, ну никак не могли придумать такую пошлую и меркантильную пословицу. Скрягами, скопидомами русские никогда не слыли, да и что говорить о брэнном теле, ежели у народа сама душа — нараспашку. Впрочем, вплоть до XX века поверье предостерегало от продажи своей рубашки: продать её — значит продать счастье. Тем более — пропить; не потому осуждали заложившего в кабак последнюю рубашку, что она последняя (мол, докатился до чего), а потому, что покусился на святыню.

Сорочки, или, по-славянски, срачицы, как звались в старину исподние рубашки, достались нам в наследство от прародителей-арийцев — египтян, этрусков. Древние египтяне облачались в нечто вроде туники с вырезом на груди. К предкам рубахи можно отнести и хитон, известный в Микенах в XIV-XIII веках до Р.Х. Женские хитоны доходили до лодыжек, мужские — до колен. Рубахоподобные туники из шерсти или льна римляне заимствовали у «варваров» — северных германских и славянских племён. Сшитая из двух полотнищ, туника закрывала оба плеча, надевалась через голову и сначала имела лишь проймы для рук; впоследствии появились короткие, по локоть, рукава, не вшивавшиеся, а составленные складками ткани. Если бы римлянам загадали загадку «Рукава завяжи и что хошь положи», они, не знакомые с ответом — «бабья рубашка», — назвали бы свою тунику: так схожа она с русской сорочкой-исподницей.

Рубаха языческой Руси также была туникообразной, с длинными прямыми рукавами (иногда скрывавшими ладони), с прямым разрезом от горловины, то есть посреди груди, и без воротника, отчего называлась «голошейкой». Голошейка — наиболее древний тип рубахи. Вырез горловины соответствовал естественной линии сочленения шеи с туловищем. Зачастую рубаха шилась с невысоким воротником-стойкой, застегивавшимся на одну или несколько пуговиц. Стоячий высокий воротник появился лишь в конце XIX века.

Косоворотки стали шить в XV веке; разрез обычно делали на левой стороне, изредка — на правой.

«Русские мужские рубахи делались широкие и короткие и едва достигали до ляжек, опускались сверх исподнего платья (т.е. поверх портов — В.В.) и подпоясывались низко и слабо узким пояском, называемым опояскою», — писал Н. И. Костомаров (Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI и XVII столетиях, М.: Республика, 1992. С. 163). Современный нам исследователь русской одежды Ф. М. Пармон, напротив, считает, что «традиция ношения длинных мужских рубах долго существовала в народе. Ещё в XIX веке в некоторых местностях у восточных славян юноши до женитьбы ходили в одних длинных, спускающихся ниже коленей подпоясанных рубахах. На Новгородской иконе 1479 года среди молящихся новгородцев изображены юноши в одних длинных подпоясанных белых рубахах» (Ф.М. Пармон. Русский народный костюм как художественно-конструкторский источник творчества. М.: Легп-ромбытиздат, 1994. С. 168). Возможно, длина рубахи зависела и от возраста её владельца: пожилые носили длинные, до коленей, юноши на 10-15 сантиметров выше колен.

«Тут дело не простое, а с подоплёкой», — говорят о простеньком на первый взгляд, а в действительности запутанном деле, интрига коего скрыта от непосвящённых. Интересна судьба слова «подоплёка». Оно не вышло из обихода, как его друзья-ровесники «епанча», «корзно», «терлик», «ферязь» — с глаз долой, из сердца вон: не стало вещей — переселились в словарь устаревших слов их имена. А подоплёка осталась! В чём же она здесь? Слово из разряда назывных (когда-то оно обозначало конкретный предмет) перешло в разряд отвлечённых понятий. В «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля, вышедшего в 1866 году, читаем: «Подоплёка, подоплечье — подкладка, подбой у крестьянской рубахи, от плеч по спине и груди, до-полпояса». Приводит Владимир Иванович и образное употребление слова в поговорке «Знает одна грудь да подоплёка» (намёк на

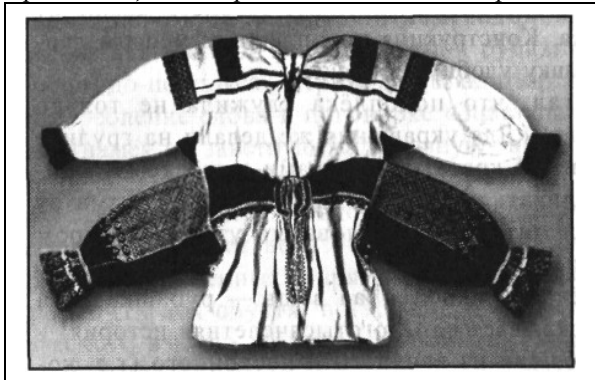

заветную, задушевную тайну). То же и в поговорке об исповеди: «На духу сказано, так знай грудь да подоплёка». Но здесь слово «подоплёка» равнозначно слову «грудь», и образ составляет весь оборот речи, сложенный из обычных слов, употреблённых в прямом, а не переносном смысле.

Почти век спустя, в 1960 году, С. И. Ожегов в «Словаре русского языка» об изначальном смысле слова не упоминает, растолковывая уже вошедшее в речь его переносное, метафорическое значение: «Подоплёка — действительная, но скрытая причина чего-нибудь».

Мужская рубашка. XVII век. Шитьё на проём пряженым золотом и серебром по тонкому полотну — кисее. Длина 81, ширина в подоле 184. Лёгкий графический орнамент в виде ритмично расположенных лировидных фигур и завитков окаймляет ворот, идет вдоль разреза на рукавах и подоле. Дополнительный декоративный эффект придаёт рубашке кант, выпущенный по линиям края, и ластовице под рукавами из алой тафты. Такая рубашка могла принадлежать только очень богатому знатному лицу. В записи государевых жалований (1624) среди других одежд числятся: «от государя снесены сверху две сорочки полотняные (...) шты золотом в петлю на вороту и на прорехах и на мышках нашиваны по три петли вместе, золотных подпушиваны, и листки тафта виницейска червчана завязки шёлк червлен».

Рубашки женские. Конец XIX века. Воронежская губерния.

В пройму рукавов (под мышками), а также в боковые швы низа сорочки для удобства в носке втачивались ластовицы из цветных тканей, откуда и присказка: «Русская рубашка без цветных ластовок не живёт».

По понятиям народа, рубашка обладала магической силой: защищала наиболее уязвимые части тела: шею, ноги, руки. Потому-то и покрывали орнаментом-оберегом горловину, низ рукавов, подол. Для того же нашивали и ластовицы. Наряду с узорным ткачеством и вышивкой нарядность придавали тесьма, блёстки, позумент, пуговицы, бисер, полоски кумача. По богатству украшений мужская праздничная рубашка иногда не уступала женской.

А уж женские рубашки — воистину шедевры портняжного искусства! И не только из-за вышивки, кружев, но и, если так можно сказать, в силу архитектурных достоинств: музеи хранят десятки и сотни женских рубах разнообразного покроя.

Женская сорочка — длинная, почти до щиколоток, холщовая (льняная или конопляная) нательная одежда — обязательно подпоясывалась. Так же, как и мужская рубашка: недаром о ком-либо, кто выходил за рамки приличий, нарушал нормы поведения осуждающе говорили: «Он распоясался».

Подоплёка в первоначальном значении слова — подбой крестьянской рубахи от плеч до полпояса. Нашивалась с изнанки. На подоплёку брали холст, выкраивая его так, что подкладка спускалась спереди и сзади чаще всего треугольным выступом. Такое немудрёное приспособление замечательно в своей гениальной простоте, ибо рубашка с подоплёкой не что иное, как термос на плечах! Воздух между тканями — рубашки и подкладки — сохранял тепло тела, причём защищал от переохлаждения плечи, грудь и спину, легкоуязвимые для простуды. В зной либо же при жаркой работе холст подоплёки впитывал пот, опять-таки не позволяя простывать: потному заболеть можно от пустякового сквозняка. Конструкция подоплёки не мешала движению рук, делая рубашку удобной в носке.

М. Забылин полагал, что подоплёка служила не только утеплению и прочности: «Для украшения же делали на груди и спине подоплёк, вышитый красными нитками и шёлком». Действительно, если пришивать подоплёку нитками, отличными от рубашки, — получится незамысловатый узор, о котором говорят: простенько и со вкусом.

Такая тут подоплёка: обыкновенная вещь — рубашка, — а сколько интересного скрывает её многотысячелетняя история! Шили мужские рубашки из льняного и посконного (т.е. конопляного) холста, набойки, пестряди — это будничные; праздничные же — из кумача, александрийки, ситца, полушёлка, отбеленного холста или полотна. Белые рубашки украшали вышивкой у ворота, по подолу и краям рукавов, эти ткани характерны для XIX века, особенно пестрядь — клетчатая, полосатая пеньковая или льняная ткань. Рубашки из пестряди, вытеснившие старинные холщовые, назывались пеструхами. В XVIII веке шили рубашки из узорной крашеной холщовой ткани-набойки (преобладала синяя кубовая ткань с белым узором).

Кроме повседневных и праздничных, селянки имели покосные, или, по-другому, пожнивные рубахи, надеваемые во время сенокоса и жатвы. Они шились из лёгкого холста или ситца, однако выглядели нарядно. Праздничные изготавливали из более тяжёлых тканей — сукна или шерсти. Музейные образцы свидетельствуют: длина их варьировалась от 90 до 140 сантиметров; чаще всего носили рубахи длиной от 105 до 110 сантиметров.

На юге России обычно шили туникообразные рубахи, на севере — ещё и на лямках. Туникообразная — более древняя, по форме — прямоугольная, составленная из четырёх полотнищ холста с отверстиями: одно — для продевания головы (вырез горловины) и два — для вдевания рук (проймы рукавов). Рукава также обычно представляли собой прямоугольные полотнища.

Сконструировать женскую рубаху, несмотря на всю простоту её форм, было не так-то просто. Именно сконструировать: ещё при ткачестве холста предусматривали все детали покроя рубахи и её размер, в соответствии с чем в нужное место полотна вплетали тот или иной тканый узор. При прядении нитей учитывали их толщину в зависимости от формы будущей сорочки. Иными словами, ещё при прядении и ткачестве «программировалась» её конструкция, композиция и отделка.

Праздничный девичий костюм. Тульская губерния. Вторая половина XIX века.

Рубаха. Льняной холст, кумач, кружево. Браное ткачество. Вышивка в технике «набор».

Юбка. Шерстяная ткань домашнего изготовления, ситец. Пояс. Шерстяные нити. Ткачество. Перья — головной убор. Льняной холст, шёлковые ленты, позумент и бахрома из золотых нитей.

Пушки — наплечные украшения. Шёлковые ленты, золотной позумент, мишурная бахрома, стеклярус. Низание.

Цепочка «хрестовка» — нагрудное украшение. Бисер, металл, низание, литъё.

Летом наши предки обходились одной рубашкой, а похолодает — надевали поверх неё зипун, кафтан, ферязь. Н.И. Костомаров пишет: «На рубаху и штаны надевались три одежды, одна на другую. Исподняя была домашняя, в которой сидели дома; если же нужно было идти в гости или принимать гостей, то надевалась на неё другая; третья была накидная, для выхода. Хотя существует много названий одежд, но все эти названия относятся к какому-нибудь из этих трёх видов». Наиболее распространённая исподняя одежда — зипун. Его носили и крестьяне, и бояре, и цари. Правда, постепенно зипун стал исключительно одеждой низшего сословия.

В середине XIX века Иван Никитин замечал: «Ни кола, ни двора, зипун — весь пожиток. Эх, живи — не тужи, умрёшь — не убыток!» Господа с пренебрежением звали крестьян «зипунниками». «Ест орехи, а на зипуне прорехи», — суть сей поговорки в осуждении нерасчётливых трат, когда переводили деньги на забаву (орехи), в то время как насущное (зипун) было неухоженным.

Слово «зипун» производят от татарского «зубун». Он представлял собой узкое, короткое платье, достигавшее до колен и реже — до икр, а чаще — не доходившее и до колен. Вокруг талии он опоясывался. Простолюдины шили зипуны из крашенины, домотканого сукна, белого или серого (зимние — из сермяги); а люди состоятельные — из дорогих заморских тканей: атласа, зарбафа, камки или тафты на подкладке из дорогов, с камчатною подпушкой. Зимние зипуны шили на меху. Иногда рукава к нему

пришивали из другой материи: к зипуну из белого атласа — рукава из серебряной обьяри. Внизу рукава застёгивались на пуговицы. Часто же они вообще были безрукавные, вроде поддёвок. К зипуну могли пристёгивать стоячее ожерелье (воротник), украшенное жемчугом и камнями, называвшееся об-низью. Обнизей запасали много, их пристёгивали в зависимости от желания выглядеть побогаче или же попроще. Зипуны с короткой спинкой носили и женщины.

Вообще, мужская крестьянская верхняя одежда (а верхней считалась вся наплечная одежда, надевавшаяся поверх рубахи, сарафана, понёвы или юбки) по конструкции почти не отличалась от женской: различались только детали, вышивка и прочие украшения. Немногие виды верхней одежды являлись исключительно женскими (например, шугай) или сугубо мужскими (бекеша, бешмет). П. С. Ефименко, описывая быт великоруссов Архангельской губернии в 80-х годах XIX века, насчитал более 30 разновидностей верхней (мужской и женской) одежды.

Азям и кафтан. Справа — зипун, тафья и шапка

По названиям их можно разделить на четыре вида: древние славянские — свита, гуня, кошуля, кабат, кожух; древнерусские — опашень, охабень, однорядка, пониток, сермяга, суконник; русские — семишовка, пятишовка, верховица, рядовка, чуйка, куцинка (от «куцый» — короткий), поддёвка, шугай, коротай; восточные — кафтан, зипун, шуба, тулуп, армяк. Причем при татаро-монгольском господстве от татар заимствовали не столько предметы одежды, сколько их наименования.

Зипун — распашная одежда, которая застёгивалась встык, то есть без запаха. Для застегивания зипуна, в старину пришивали от 11 до 16 пуговиц или до 20 кляпышей. Кляпыши — костыльки, вроде оливок, употреблялись вместо пуговиц и запон на вороту, прорехах и полях кафтанов, зипунов, чуг, шуб и других одежд. Различались кляпыши серебряные позолоченные, сажёные жемчугом с канителью, обшитые или обвитые золотом и шелками.

Жителей Владимирской губернии дразнили «зипунщиками». Наряд этот вошёл в казачью поговорку «доставать зипуны», то есть жить разбоем, грабить купеческие суда на Волге.

На зипун надевали вторую одежду, называвшуюся по-разному: балахон, чуга, терлик, кожух и т.д. Самый обыкновенный вид этого рода одежды — **кафтан**. По ткани они подразделялись на атласные, бархатные, байберековые, зарбафные, камчатные, обьяринные, тафтяные, зубные, суконные, мухояровые, крашенинные. Кафтаны носили цари, царицы, князья, бояре, духовные лица, посадские, крестьяне. Как правило, это была одежда с просторной нижней частью (кафтан расширялся книзу за счёт клиньев, вшитых в боковые швы), без воротника или с невысоким, двух-трёхсантиметровым стоячим воротником, сходящим на нет от спинки к линии застёжки. Однако к нарядным кафтанам пришивали или пристёгивали высокий стоячий воротник, закрывавший весь затылок. Такой воротник назывался козырем. Его наружная сторона выкраивалась из атласа, бархата, парчи; вышивался козырь цветными нитками, а у богатых людей — серебром или золотом, украшался жемчугом и драгоценными камнями. Отсюда понятно дошедшее до нас выражение «ходить козырем» — так говорили о человеке шеголеватом, выхваляющемся своим нарядом.

Вдоль по кафтану, параллельно с разрезом (разрез делался только спереди и оторачивался тесьмою) по обеим сторонам нашивали круглые или четырёхугольные цветные кусочки материи (отличные от ткани, из которой сшит кафтан), и на эти нашивки прикрепляли завязки с кистями или шнурки, коими и застёгивали кафтан. Позднее завязки уступили место пуговицам, в XIX же веке кафтаны застёгивались чаще завязками, наподобие татарских, однако русские застёгивали не на левой, а на правой стороне.

Примечательно, что в старину и мужская и женская верхняя одежда запахивалась одинаково — правая пола глубоко нахлестывалась на левую, поэтому правая пола делалась шире левой сантиметров на десять.

Рукава кафтана шили настолько длинными, что они достигали бы земли, если бы их не собирали в складки или брыжжи. Такие рукава зимою заменяли перчатки; ими можно было брать горячую посуду. В нарядных кафтанах часть рукава при конце — запястье — вышивалась золотом, низалась жемчугом и пристёгивалась к кафтану особо. Если мы вспомним, что и воротник — ожерелье, козырь — мог пристёгиваться, то поймём, для чего это делалось: один и тот же кафтан выступал то будничным, то праздничным нарядом. Знатные или пожилые люди носили кафтаны дома, а молодежь — на улице.

1 — башмак; 2 — кафтан; 3, 4 — лапти; 5 — наколенник; 6 — рукавица; 7, 8 — сапоги; 9 — топор

Кафтаны; слева — становой, справа — турецкий

1 — терлик; 2 — телогрейка; 3 — ферызь; 4 — шапка

терлик и балахон.

Чуга — узкий кафтан, с рукавами по локоть, приспособленный к верховой езде, для чего он подпоясывался кушаком, поясом или тесьмой. За пояс закладывался нож и ложка, а на грудь привешивалась перевязь с дорожной сулеёю (фляжкой, бутылочкой с водой). Шили чуги из бархата, атласа, объяри, камки и сукна; холодные — на подкладке из тафты, тёплые — на соболях, Куницах,

Обычный кафтан застёгивался встык, как зипун, и имел на груди шесть — восемь петлиц. Домашний кафтан — одежда знати — длинный, до пола, кафтан, с небольшим запахом, причём левую полу от ворота до талии срезали наискось; застёгивался он на пуговицы, которые могли быть металлическими (дутыми), узелковыми (из шнура), деревянными (кляпыши), а также золотыми и жемчужными. Становой кафтан (сшитый по фигуре, «по стану») имел короткие, до локтя, рукава.

По различию покроя кафтаны назывались турецкими и станowymi; по употреблению — столовыми, ездовыми, дождевыми, смирными. В столовых выходили к обеду; в ездовых отправлялись за город; дождевые набрасывали на себя в ненастье; в смирных являлись на похоронах, панихидах и вообще ходили во время траура.

Были кафтаны верхние и исподние; тёплые, то есть с меховым исподом, с горностаевым, собольим или песцовым подбоем; стёганые и холодные (без подкладки).

Турский кафтан — без воротника; застёгивался только у шеи и на левом боку. Становой кафтан был с перехватом и отличался от турецкого не столь длинными рукавами; застёгивался на 8 -12 пуговиц (все они размещались на груди), сверх того к боковым прорехам (разрезам на подоле) пришивались ещё 2 пуговицы. Вместо пуговиц иногда использовали кляпыши: у кафтана царя Бориса Годунова «на вороту и на прорехах 19 кляпышев серебряных».

Верхние кафтаны надевались на исподние. Сохранилось описание, как 29 июня 1680 года государь Фёдор Алексеевич на Литургии был облачён в «кафтан ездовой верхний, с широкими рукавы, объярь по червчатой земле травы золоты и серебряны, испод горностаевой; кафтан ездовой исподний объярь ала, струя серебряна; зипун тафта бела».

Изнанка кафтана всегда подбивалась материей более дешёвой, чем лицевая. По подолу, кроме тесьмы, под тесьмою и выше её, окаймлялись полосою материи другого цвета, чем кафтан; она называлась подпушкою. Зимние кафтаны делались и на лёгких мехах: собольих пупках, беличьих черевах. Меховые кафтаны назывались кожухами, кои упоминаются ещё в «Слове о полку Игореве»: «япончицами и кожухи начаша (Русичи) мосты мостити по болотам». У малороссиян кожухом называлась нагольная шуба; в этом значении слово «кожух» сохранилось почти во всех славянских наречиях.

Кафтан — распашная одежда, хотя на ранних русских миниатюрах, иконах и других памятниках изображаются люди в глухой одежде, однако и распашная идёт из глубины веков: на скифских вазах середины I века до Р.Х. изображены всадники, облачённые в распашную одежду — кафтаны, подпоясанные или заправленные в штаны. Вероятно, распашная одежда была известна славянам ещё в античные времена, а в XV-XVII веках стала обычной, что доказывают документы, например, миниатюры Кенигсбергской летописи (XV век).

Из других разновидностей кафтана упомянем ещё три: чугу,

песцовых черевах. Застёгивались на 12-18 кляпышей либо же на 10-22 пуговицы.

Терлик — одежда, похожая на узкий кафтан, только с перехватом, с короткими петлями. Для него характерны отрезной лиф, широкие расклешенные полы, рукава с буфами выше локтя и сильно суженные к кисти. Спереди имел особый нагрудник, застёгивающийся на правой стороне груди и правом плече.

Наиболее старинный по конструкции кафтан — балахон. Шили его из холста естественного цвета или синей крашенины, вставляя в боковые швы клинья, что сильно расширяло подол, Балахон — рабочая одежда; его нередко надевали поверх другой верхней одежды (например, шубы) и всегда подпоясывали. Почти все верхние одежды на Руси, надевавшиеся поверх кафтана, принадлежали к боярскому и дворянскому костюму. Одной из парадных одежд была **ферязь** — верхняя одежда, широкая, до трёх метров в подоле, длиною почти до лодыжек, без перехвата и воротника, с длинными суживавшимися к запястью рукавами; наперед застёгивались 3-10 пуговицами с длинными петлицами, либо же схватывались завязками. Различались летние (холодные) — на подкладке, и зимние (тёплые) — на меху. Шили ферязи и без рукавов; их зимою поддевали под кафтан: «под тот же становой кафтан поддевал государь ферязи тафта червчета испод черева бельи, без рукав», — из этого описания костюма царя Михаила Феодоровича видно, что шили ферязи из дорогих тканей.

У обычных ферязей рукава свисали порой до земли. Надевали их так: в рукав продевали только одну руку, собирая его во множество сборок; другой рукав — пустой — спускался вдоль стана до земли, отчего и произошла поговорка «работать спустя рукава».

Иностранцы, посещавшие Россию в XVII веке, запутывались в обилии русских одежд. Флетчер вспоминал, что на зипун надевали чугу, затем — ферязь. Олеарий насчитывал четыре одежды, надеваемых на рубашку в такой последовательности: зипун — ферязь — кафтан — опашень. Здесь ферязь выступает комнатной одеждой. К числу комнатных относились азам и армяк (или ормяк) — одежда вроде халата. Азам шили из домотканины — крестьянского сукна или понитка (понитком называли полусуконную ткань из пеньковой или льняной основы и шерстяного утка). В Саратовской и Курской губерниях азамом называли шубу — волчью, лисью и сторожковую, т.е. из собачьего меха.

Армяки шили из толстого сукна овечьей шерсти, а в восточных районах страны — из армячины — ткани из верблюжьей шерсти. Армяки подпушивались шёлковой материей и украшались круживом.

Нет, это не опечатка: именно круживом, а не кружевом. Кружева — плетенье из ниток — появились сравнительно поздно, в XVII-XVIII веках украсив русскую одежду. А прежде кафтаны, опашни, чуги, шапки, чёботы и т.п. украшались круживом.

Круживо — узорочная обшивка (или нашивка) одежды золотом или серебром. Нашивки различались: кованые, плетёные, тканые и низанные (последние иногда с драгоценными камнями). Круживо делалось — с прямыми краями и зубчатое; боровчатое, веревчатое, колесчатое, коленчатое, кружковое, в проём, в цепки или чепами, — в зависимости от того, как располагался узор золотой или серебряной проволоки на одежде. В описи старинной одежды упоминалось «круживо кованое золото с серебром веревчато, по-средь проволока серебряная плащоная».

Охабень

Кафтан, чуга, ферязь, армяк, азам, терлик и тегилай относились к разряду средней одежды (тегилай примечателен множеством пуговиц — их насчитывалось до шестидесяти-семидесяти!). К верхним, или накидным, одеждам причисляли: опашень, охабень, однорядку, фerezею, епанчу и шубу.

Охабень — плащ с рукавами и с капюшоном сзади — неширокая распашная длинная, до щиколотки, одежда; застёгивался спереди встык на петлицы. Отложной четырёхугольный воротник спускался от самой шеи до половины спины. Его длинные узкие рукава — также откидные: руки продевали в прорехи, сделанные спереди по пройме, в которую вшивали рукава, а рукава закидывали за плечи или же завязывали сзади на талии. Обыкновенные охабни шили из сукна, мухояра и других шерстяных тканей, а нарядные — из объяри, бархата, камки, парчи. Из летописи известно, что ещё в XIV веке русские князья и воеводы носили охабни, но повсеместным он стал в XV-XVI веках.

О покрое охабней можно судить по записи от 12 марта 1627 года: «Скроен государыне — Марфе Ивановне охабень отлас багров; длина по передом аршин 14 вершков, а по заду аршин и 13 вершков с полувершком; в плечах аршин и 2 вершка; рукава с полустана аршин 12 вершков, в корени в ластках 7 вершков с полувершком; в запястьё 2 вершка с полувершком; воротник в корени длина 10 вершков, ширина пол— 2 вершка, по подолу 3 аршина 10 вершков; отласу пошло 9

аршин с полуаршином». Аршин — 71 сантиметр; вершок — 4,4 сантиметра.

Разновидность охабня — опашень: верхняя одежда, покроем похожая на платно, от которого отличалась тем, что имела рукава несколько длиннее и к запястью уже, также и зад длиннее переда сантиметров на десять. «Платно, а опашень тож, отлас золотной земля серебряна», — из описей княжеских одежд следует, что шили опашни из дорогих тканей: атласа, бархата, объяри, камки, зуфи, скорлата; подкладывались тафтою или бязью; подпушались атласом, камкою и тафтою; украшались ожерельем, круживом, нашивками; схватывались пуговицами и петлями с кистями. Великий князь Иоанн Иоаннович в 1356 году завещал сыну своему, Димитрию (будущему герою Куликовской битвы) «опашень скорлатен сажен», т. е. унизанный жемчугом.

Надевались опашни на зипун и на кафтан, а носились наопашь, т. е. без пояса (отсюда и название — опашень), иногда в накидку, т. е. с невздетыми, висячими рукавами. Опашни носили и женщины: в 1503 году княгиня Иулиана завещала дочери своей «женьского платья... опошен скорлат червчет, без пугвиц». Через два века у царевны Софьи Алексеевны был «опашен сукно скорлат ало; круживо и нашивка золота веревчата». Опашень считался летней одеждой. Весной и осенью он заменялся однорядкою, особенно в дождливую погоду.

Однорядка, как и опашень, делалась широкою, длиною до пят, с длинными рукавами, нашивками по бокам вдоль разреза, застёгивалась пуговицами; иногда к воротнику пристёгивалось ожерелье; застёгивалась встык. Шили её из хлопчатобумажных тканей или шерсти. Название своё этот плащ получил оттого, что шился из одного ряда ткани, то есть без подкладки.

А упоминавшееся чуть выше платно носили только государи, и то лишь в редких торжественных случаях, например, при больших выходах, когда употреблялся наряд Большой Казны. Платно — скорее ювелирное изделие, а не одежда: шили его из очень дорогих тканей — бархата, атласа, аксамита, объяри, алтабаса.

Вдоль пол и по подолу щедро отделявали круживом, узорами из жемчуга и драгоценных камней; запоны, кляпыши или пуго-вицы отливались из золота.

В XVII веке в обиход князей и бояр вошёл ещё один парадный плащ с рукавами — ферезья. Собственно, та же ферязь, но — ездоя: надевали её на обыкновенную ферязь или на чугу, отправляясь

в дорогу. Подбивали или опушали мехом, иногда меховым делали и воротник. У царя Феодора Алексеевича ферязи были: холодные — золотные из бархата, атласа, объяри и из сукна, с круживом, на объяриной, зарбафной, камчатной и дорогильной подкладке; тёплые — из бархата и объяри, с круживом, с собольими исподами, ожерельями и выпушками. Что это одежда не бедных людей, свидетельствует пословица: «Справил бы однорядку с корольки, да животики коротки». Здесь корольки — коралловые пуговицы, совершенно круглые или продолговатые; насаживались «на спнех» (спень — металлическая проволока, на которую вздевались жемчужные зёрна, камни и корольки). Корольки украшали царские одежды: у Годунова шуба застёгивалась пятнадцатью корольками. Вообще, на одеждах XIV-XVII веков, как мужских так и женских, пуговицы употреблялись не только для застёгиванья, но и для украшения. Изготавливали их из золота и серебра; были они с позолотой и без позолоты; наводились чернью, накладывались финифтью, покрывались цениною (ценина — дорогая гкань, узорочье, паволока шёлковая), украшались драгоценными камнями. Различались по материалу: корольковые, бирюзовые, серовичные, фатисные, хрустальные, медные и оловянные,

деревянные, обтянутые тканью, или обвитые шелками, трунцалом, канителью, обнизанные жемчугом; по работе: вольяжные, тощие, чеканные, витые, сканные и резные; по виду и величине: на грушевое дело, на жлудевое (жлудики), на кедровое, на миндальное, на шатровое; гладкие, вихорчатые, грановитые (гранёные), дорожные, киотчатые, клетчатые, колещатые, лозчатые, решётчатые, горчочковые, чешуйчатые, зубчатые, канфаренные, сенчатые, с перигибью, с пояском, с шипами, с репейками, с рожками, ёлкою, чашкою, с чеканными карасиками, с резанными узлами кафимскими, с зубчатыми обручиками, с косыми гранями, с шахматами; круглые, кругловатые, продолговатые, половинчатые, клинчатые, игольчатые, четверогранные, островатые, вкальванные или втышные.

1, 2, 3 — ножи; 4 — однорядка;
5, 6 — охабень

Ценность, вид и красивость пуговиц согласовывались с нарядом. Число их и на одинаковых одеждах разнилось: к платнам — по 6, 10, 11 пуговиц; к кафтану— 3, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 19; к опашню — 11, 13, 15, 30; к однорядке — 15, 18; к ферязи— по 3 и по 10; к чуге-- 3, 10, 15, 22; к шубе — 8, 11, 13, 14, 15, 16; к зипуну — по 11, 15, 16; к кожуху по 11; к епанче— по 5; к армяку — 11; к терлику — до 35, к тегилюю — по 46, 48, 56, 68; к распашнице — по 15; к телогрее по 14, 15, 16, 17, 18, 19, 21, 24. Пуговицы пришивались также к пристяжным ожерельям, к прорехам колпаков и шапок. Для прикрепления к одеждам втышных пуговиц употреблялась особенная свайка — шип с большою головкою.

От дождя накрывались **епанчой**. С. И. Ожегов поясняет, что это — «длинный и широкий старинный плащ». Толкование весьма широкое: под него подойдёт и корзно — также «длинный и широкий старинный плащ». Покрой епанчи В. И. Даль раскрывает через архитектурный термин. Объясняя, что такое «крыша епанча, епанчей, по епанечному», он говорит: это -крыша «на четыре ската». На четыре стороны скатывался и дождь с плаща-епанчи. Епанча была безрукавной, и без прорех для рук, накидывалась на плечи и застёгивалась на шее пуговицами либо же завязывалась завязками.

Попала она и в пословицы. «Это епанча на оба плеча»,-останавливали вряля. О хвастуне отзывались поговоркой: «Пчелы по овце, крылья по епанче, с поносу летят, заборы трещат!» О человеке своего круга замечали: «Нашего сукна епанча». Тому, кто замахивался на непосильное, советовали: «Выбирай епанчу по плечу». Если молодец, не послушавшись, терпел неудачу, то сокрушённо соглашался с правотой советчиков: «Не по плечу епанча!» Более груба присказка «Не к роже рогожа, не к лицу епанча!» — то же самое, что «Не в свои сани не садись». Наконец, о применении епанчи гласит пословица «В ведро епанчу возят, а в дождь и сама едет». Впрочем, епанча была двух родов: одна дорожная, на случай ненастья, из верблюжьей шерсти или грубого сукна; другая нарядная, из богатой материи, подбитая мехом, надевалась больше для щегольства, нежели для тепла.

Ферязь и шапка.

Русская шуба и горлатная шапка

А вот **шубу** носили и для тепла, и для похвальбы: меха в доме — признак довольства и зажиточности.

Сейчас шубы шьют мехом наружу. Сего щегольства не поняли бы наши предки. Во-первых, мехом внутрь — гораздо теплее.

Во-вторых, доведись им увидеть своих потомков в таком наряде, пожалели бы горемык: то ли денег не хватило, — подумали бы, — чтобы купить ткани на покрывку (а крылись шубы материей — не дешевле меха!), то ли недотёпы какие: сказано же — «Купи шубку крытую, а одёжу шитую».

На испод шубы употребляли меха: беличий, песцовый, рысий, заячий, лисий, куний, соболий, бобровый, горностаевый. В старинных рукописях встречаются выражения: «сторожковый мех», «сторожковая шуба». Что же за зверь такой— сторожок? А это— всего-навсего... собака! С долей юмора так называли пёсий мех. Понятной становится и поговорка — «Шуба дом стережёт». Конечно, не князья её носили, хотя согревала она не хуже собольей.

На покрывку брали всё те же заморские ткани — бархат, атлас, обьярь, камку, тафту и сукно. Украшали круживом, нашивками. Застёгивались шубы пуговицами или кляпышами с петлями, иногда —: шнурами с кистями. У царя Бориса Годунова была «шуба горлатная лисья, на ней сукно вишнёво лундыш; на вороту 9 кляпышов сажены жемчугом и канителью; 24 петли золота и с прорешными концы обнизаны жемчугом; на прорехах по пуговке по канительной».

Были шубы столовые, панихидные, ездвые, санные. По покрою различались шубы русские, турецкие и польские.

Русская шуба, массивная и длинная, почти до пола, расширялась книзу (в подоле — до трёх с половиной метров). Длинные рукава спускались, как и у охабней, почти до земли; имели спереди до локтя прорезы для продевания рук. Широкий отложной воротник и обшлага — меховые. Русская шуба походила на охабень и однорядку, но отложной воротник начинался от груди. Запахивалась она, как и прочие одежды, правой полой на левую. По обеим сторонам подола делалось по одной прорехе, частью для удобства в ходьбе, а частью для того, чтобы видны были украшения сапогов.

При описи одного крестьянского имущества оказались «в чулане... шуба овчинная, крыта крашениной, у нея 12 пугвиц медных». Простой народ выручала овца. В ходу был и заячий мех. В ненастную погоду шубы носили вывернутыми наизнанку — с шерсти капли дождя скатывались. Нагольный овчинный тулуп, нагольная шуба — это не те, которые надевают на голое тело, а те, кои сами

голые: выделав шкуру, шили шубу голой кожей вверх, мехом — внутрь. Богатые с пренебрежением звали крестьян в таких шубах «нагольщиной». Хотя, случалось, и цари в них ходили, полагая, что достоинство меха только скрывается посторонними прикрасами. Так, однажды государь Михаил Феодорович, сидел за парадным столом «в нагольной шубе».

Турские или турецкие шубы отличались от русских только широкими рукавами, которые делались иногда одинокие, а иногда двойные; первые простирались до кистей рук; из двойных же — одни, не доходившие до локтей, были собственно для рук, а другие, очень длинные, висели сзади и служили только для украшения. Турская шуба — парадная одежда, носили её обычно внакидку.

Польские шубы имели, вместо отложного, узенький воротник и, вместо петлиц, шнуров и пуговиц, застёгивались только у шеи запоною; они делались с просторными, хотя и не слишком широкими рукавами, простиравшимися до оконечностей рук и имевшими меховые обшлага.

Отличались шубы и тем, какие шли на них части меха: шубы делались из одних пупков, или из одних черевов (животов), или одних хребтов, соответственно и назывались: пупковая шуба, черевая, хребтовая, горлатная и т.п.

Изготовлением шуб славились целые уезды, такие, как Пошехонский Ярославской губернии. Ф. М. Пармон в книге «Русский народный костюм...» пишет: «Особой известностью пользовался романовский овчинно-шубный промысел (Ярославская губерния). Считают, что начало промыслу было положено около 300 лет назад, в годы правления Петра I. Овцы романовской породы были выведены путём скрещивания местных овец с силезскими, выписанными Лефортом. Благодаря ценным качествам овчины г. Романов стал центром шубного производства России. (...) Создавались целые поколения кустарей, живших «от иглы» и насчитывавших в своей родословной не одно поколение шубников. (...) С аршином в руках, с ножницами за кушаком, с сумкой и утюгами за плечами — каждую осень большие партии портных выходили в разные стороны из родимых сёл и деревень. Операции, которые выполнял шубник, заключались в раскрое овчины, изготовлении из неё одежды, расчесывании на готовом изделии волоса, завивке волны и пр. Кроме того, шубники по желанию заказчика выстрачивали изделие разноцветными нитками и обшивали мехом морского котика или овчиной. Шубным промыслом занимались исключительно мужчины».

А нашивали её и мужчины, и женщины. Женские верхние одежды никогда не подпоясывались и застёгивались сверху донизу. Иногда костюм боярыни весил килограммов пятнадцать-двадцать. Тяжеловесный сей наряд делал фигуру малоподвижной, придавал гордую осанку, плавность походке: недаром дедушек величали лебёдушками.

Из чего же складывались эти килограммы? Увлёкшись описанием мужских нарядов, мы оставили наших милых барышень в одних рубашках. Знатные женщины поверх нижней рубахи надевали ещё и верхнюю — «горничную». Шили её из яркой шёлковой ткани, зачастую красного цвета, Эти рубахи имели длинные узкие рукава с прорезом для рук, назывались они ещё «долгорукавками». Их подпоясывали, над поясом дела-Ли напуск. Носили в помещениях, но не при гостях: считалось неприличным представать в рубашке даже перед своими — свёкром и свекровью, золовками, деверьями... Ю. С. Рябцев в книге «Путешествие в древнюю Русь» (М., «Владос», 1995) пишет, что пренебрежение этим правилом однажды в буквальном смысле изменило ход русской истории: «Помните знаменитую картину Ильи Репина «Иван Грозный и сын его Иван»? Так вот, убийство произошло именно из-за этой злосчастной рубахи. В 1582 г. в Александровской слободе Иван Грозный застал свою невестку прилегшей отдохнуть в одной сорочке. Проступок простительный, на наш взгляд, поскольку царевна была на сносях. Царь же счёл себя оскорблённым и ударил её. На шум прибежал царевич Иван. Он пытался заступиться за жену, но обезумевший от гнева отец ударил его острым концом посоха в висок, на следующий день потрясённая царевна разрешилась мёртвым ребёнком. Государство лишилось сразу двух законных наследников престола».

Всё здесь, кроме сорочки и ссоры царя с сыном — вымысел, легенда: Иоанн Грозный не убивал царевича Ивана. «Убийцей» его «сделал» монах-иезуит Антоний Поссевин, побывавший в Москве в 1581 году — году смерти царевича Ивана, но — через четыре месяца после блаженной кончины наследника престола. Митрополит Санкт-Петербургский и Ладужский

Слева — гуня — верхняя мужская одежда (шерсть). Малороссия, начало XX века.
Справа — свитка — верхняя женская одежда (сукно домашнего изготовления, бархат, шерстяные нити и шнур). Малороссия, Волынская губерния, конец XIX века

Иоанн (в миру Иван Матвеевич Снычѳв, 1927-1995) в книге «Самодержавие духа» (Саратов, «Надежда», 1995) развенчивает миф о сыноубийстве, основываясь на документах и анализе личности Иоанна Васильевича:

«Поссевин говорит, что царь рассердился на свою невестку, жену царевича, и во время вспыхнувшей ссоры убил его. Нелепость версии (уже с момента возникновения) была так очевидна, что потребовалось «облагородить» рассказ, найти более «достоверный» повод и «мотив убийства». Так появилась другая сказка — о том, что царевич возглавил политическую оппозицию курсу отца на переговорах с Баторием о заключении мира и был убит царѳм по подозрению в причастности к боярскому заговору. Излишне говорить, что обе версии совершенно голословны и бездоказательны. На их достоверность невозможно найти и намѳка во всей массе дошедших до нас документов и актов, относящихся к тому времени.

Древний Египет. Девушка в сарафане — калазирисе

Костюм купеческий: сарафан, рубаха. Первая половина XIX века.

Сарафан голубовато-розовой шёлковой ткани, отделан серебряным шнуром. Рубаха из бумажной ткани. Шитьѳ белой бумажной нитью, тамбурным швом и стягами. Длина рубахи

из которой шит (сукман, атласник, шелковик, штофник, кашемир-ник, достольник — от «достоль» — бумага); цвет ткани (маренник, сандальник, набивник, троекрасочник).

А вот предположения о естественной смерти царевича Ивана имеют под собой документальную основу. Ещё в 1570 году болезненный и благочестивый царевич, благоговейно страшась тягот предстоявшего ему царского служения, пожаловал в Кирилло-Белозерский монастырь огромный по тем временам вклад — тысячу рублей. Предпочитая мирской славе монашеский подвиг, он сопроводил вклад условием, чтобы «ино похочет постричься, царевича князя Ивана постригли за тот вклад, а, если, по грехам, царевича не станет, то и поминати» (Толстой М.В., История русской церкви. Издание Валаамского монастыря, 1991, с. 432).

Косвенно свидетельствует о смерти Ивана от болезни и то, что в «доработанной» версии о сыноубийстве смерть его последовала не мгновенно после «рокового удара», а через четыре дня, в Александровской слободе. Эти четыре дня — скорее всего, время предсмертной болезни царевича».

Из царских опочивален перейдѳм в крестьянскую избу, где и девицы, и молодки, и пожилые женщины, «от сна восстав» и помолившись Богу, уже облачились в сарафаны.

Сарафан — одна из древнейших одежд человечества. Сейчас некоторые исследователи полагают, что корни русского народа уходят в древний Египет. Вопрос, конечно, спорный, но взгляните на этот древнеегипетский рисунок: национальный костюм молодой египтянки очень и очень похож на сарафан с проймами. Конечно же, тогда одежду на лямках не называли сарафаном: термин «сарафан» впервые появился в русских письменных источниках в Никоновской летописи в 1376 году, а египтяне называли его «калазирисом». П.И. Савваитов возводит слово «сарафан» к иранскому слову «сарапа», что можно перевести как «с ног до головы». В.В. Вельяминов-Зернов утверждал, что персидское слово «сарапа», «сарапай» могло означать и «почѳтная одежда».

Сарафан — безрукавная одежда, с проймами для рук и с поясом. Сарафан по-иному можно представить как род высокой юбки с помочами. По покрою их подразделяют на: однорядные, дуррядные, закрытые, открытые, круглые (узкие), прямые, клинчатые, триклинки, растегаи (распашные), шубки (московские), с рукавами, с проймами (с помочами, лямками), сборчатые, гладкие, с лифом, без лифа.

По ткани, из которой шили сарафаны, различали: холщевики, дубленики, крашенинники, пестрядинники, кумачники, китаечники, ситцевики, стамедники, суконники и прочий. Иногда цвет ткани давал и название: в Московской, Смоленской и Курской губерниях синие сарафаны на застѳжках спереди звались «саянами»; в Архангельской губернии сарафаны такого же покрою, но чѳрного цвета называли «кундышами».

Большая часть наименований чисто русская и отражает конструкции сарафана (дольник, клинник, косоклинный, семиклинный, сорококлин, лямош-ник, костыч — от слова «костыли», т.е. клинья); ткань,

«Нету талану, не пришьёшь к сарафану», — сокрушались крестьяне, коим не везло в чём-либо (талан — счастье, удача). Рукава — не талант, их можно пришить, и тогда получалось исключение из правил: сарафан с рукавами. В праздничные вшивали тонкие, рубашечные рукава.

В XIX веке сарафаны шили, в основном, накладные, а в старину в ходу были распашной, или растегай (удивительно красивое название, одним словом объясняющее и покрой одежды, и способ облачения в неё). Перед растегая сверху донизу застёгивался пуговицами. Края и середина обшивалась позументом или гасами. Гас, или газ — самая лёгкая, тонкая реденькая шёлковая ткань; также золотая, серебряная или мишурная тесьма. Некоторые полагают, что газы — это не так: своё «химическое» имя эта материя получила от имени древнего палестинского города Газа, завоёванного в 1100 году крестоносцами; они-то и привезли в Европу лёгкие восточные ткани.

В «Письме матери» Сергей Александрович Есенин просил её:

*Не ходи так часто на дорогу
В старомодном ветхом шушуне.*

В начале XX века должен бы считаться уж очень старомодным, ведь он — наиболее распространённая женская одежда в XVI-XVII веках. Неужели мама Есенина носила одежду времён Иоанна Грозного? Этот вопрос прояснится чуть позже, а пока посмотрим, что представлял собой шушун. **Шушун** — длинный, по щиколотки, узкий сарафан без сборок расклешенный в подоле за счёт боковых клиньев. Для него характерны широкие плечики и неглубокий вырез на груди и спине. Хотя он и с рукавами, но руки в них не продевали: висячие фальшивые рукава пришивались для красоты. До XVI века они шились распашными, застёгивались на пуговицы, потом спереди стали просто нашивать полосы из дорогой ткани с фальшивыми петлями-украшениями.

XVII века распашной сарафан-шушун уступил первенство «прямому» сарафану — широкому, сшитому из нескольких кусков ткани, собранных в мелкую сборку под узкую подшивку. Лямки у него — короткие, облегающие грудь. Иногда вместо сарафана девушки носили передник — одежду, составленную из двух несшитых полотнищ ткани, собранных на шнуры выше груди.

Так же, несшитой, составляли и понёву — короткую юбку из трёх разнополосных полотнищ. «За рекой Окой сарафанов нет» — отмечали этнографы в середине XIX века. В Тульской, Калужской, Тамбовской, Воронежской и других южных областях России господствовали кофта и юбка (понёва). В Рязанской губернии, к примеру, наряд женщины составляла понёва и шушун. (Шушуном там называли не сарафан, а холщовую рубашку с алыми нитками и кумачными прошивками, надеваемую к понёве, сверх рубашки.) Так что Татьяна Александровна Есенина ходила на дорогу не в сарафане, коего на Рязанщине не нашивали и в допетровской Руси, а в холщовой рубашке, уже старомодной, по мнению сына, увлечённого вихрем большевистской революции. Вскоре он прозреет, перестанет твердить, что «к старому возврата больше нет», но... Его убийцы объявят старомодными не только шушуны, а и весь уклад русской жизни, и русский дух, и всё, что дорого русскому сердцу. К концу XIX века сарафан перешёл через Оку и стал завоёвывать сначала южнорусские города, затем — и деревни, где раньше безраздельно господствовала понёва. Понёва и юбка в «контрнаступление» на северные губернии перейти не смогли: сарафан считался принадлежностью высших классов, что привлекало барышень больше, нежели деревенский наряд. Но и тут есть исключения. Юбка-сукманка из шерстяной домотканины с яркими разноцветными продольными полосами (её ещё называли «андарак») бытовала на Русском Севере — по берегам рек Северная Двина и Сухона. Эти юбки завезли туда переселенцы-белорусы.

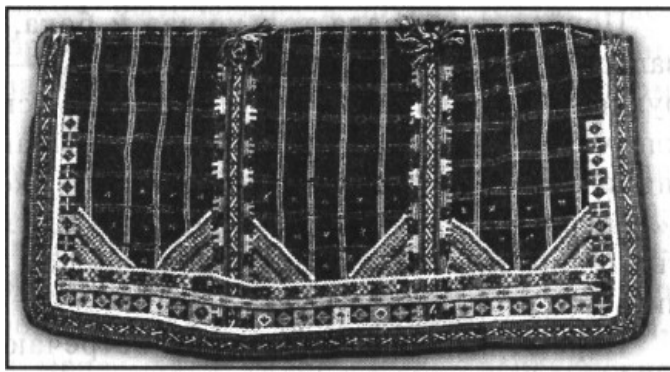

Праздничная одежда крестьянки. Орловская губерния и Елецкий уезд. Начало XX века.

Рубаха с прямыми поликами, короткая, с пришитым воротником-оборкой, с длинными рукавами, с «брызжжами», из домотканого холста, украшена вышивкой хлопчатобумажными нитями крестом, на рукавах нашивки кумачовых полос.

Понёва с прошивой, из клетчатой домотканой шерсти, прошива из хлопчатобумажной ткани, по подолу украшена узорным ткачеством.

Передник — «занавеска». Прямой, без рукавов, из домотканого красно-узорного холста, с пришитыми полосами строчевой вышивки, вышивки крестом кружевных прошив кумача. По вороту и краю подола украшен оборками из хлопчатобумажной красной и белой ткани.

Понёва. Конец XIX — начало XX века, Орловская губерния Понёва. Вторая половина XIX века, Орловская губерния

Понёву носили исключительно замужние женщины. (Девичий наряд — рубаха с шерстяным поясом, поверх надевали фартук или армяк). Слово «понёва» (или «понява», как говорили в Новгородской, Архангельской, Вологодской, Олонецкой губерниях) производят от глагола «понять», «обнять», «накрыть».

Девушки в праздничных костюмах. 1902 год. Фотография. Тульская губерния

Первоначально - а корни её теряются в глубине веков - понёву даже не шили: просто брали лоскут и обёртывали его вокруг чресел (поясницы; выражение «препоясать чресла» означало «готовиться в путь»). Е.В. Смирницкая считает, что понёва — первая модификация набедренной повязки (см. книгу «Происхождение вещей», М., «ННН», 1995). Несшитую спереди понёву называли растополкой, то есть распашной. Держалась она на гашнике, сплетённом из конопляной или шерстяной пряжи, как и мужские порты, или же носили её; «с подтыками» — с подоткнутыми полами, «это старинный, чисто народный способ ношения (с подтыканием под пояс переднего нижнего края понёвы) не нравился чиновникам: они находили его безнравственным и преследовали крестьянок, замеченных в «нарушении формы одежды», и

потому, боясь исправников, женщины носили понёву «врасстычку», отправляясь в город или церковь.

Понёва покрывала только зад и бока, а спереди либо оставалась рубаха, либо надевалась завеска — передник с лифом и рукавами. В сшитой понёве вставляли спереди полосатое или клетчатое полотнище, иного цвета. Наиболее часто понёвы шили из синей шерстяной материи («синятки») и красной («краснятки») с браным узором, такие глухие понёвы, с вшитым однотонным холщовым полотнищем — прошвой — появились к XVIII веку.

Первые изображения понёв встречаются в древнерусской миниатюре и иконописи начиная с X века, а термин «понёва» — в памятниках древнерусской письменности XI века, но обозначал он не одежду, а полотнище ткани, пелены, плаща. В Новгородской Триоди (богослужебной книге) говорится: «...в багрянице место поняваю препоясая; оумываю оубы ноги, отираю же и поняваю».

Различались понёвы способом соединения полотнищ. Самое немудрёное — когда три-четыре куска ткани просто висели на гашнике, подобно занавескам. Распашная понёва из трёх полотнищ разной длины называлась «разнополкой».

Украшали понёвы кумачом, бисером, позументом, лентами, вышивкой шерстяными нитками. В праздничных понёвах низ украшали широкой каймой другой ткани. В каждом уезде, даже в каждом селе расположение вышивки, бисера, лент и т.п. не повторяло рисунков, бытовавших в других уездах и деревнях. Считалось зазорным надевать понёвы соседних сёл, и, таким образом, понёва была как бы паспортом, в котором прочитывался адрес владелицы, её возраст и характер.

В Тульской и Калужской губерниях праздничными понёвами не только любовались, но и... заслушивались: кроме лент, кумача, нашивок к ним привешивали по три металлических бубенчика, которые при ходьбе, а особенно во время пляски, задорно брэнчали. Весили такие понёвы, из-за обилия украшений и тяжести полотнищ — не менее пяти килограммов, деревенские портнихи додумались даже до «плиссированных» понёв: сшитую понёву складывали по «глазкам» (клеткам) в «ласки», «гранки», и, перевязав бечёвкой, клали под горячий, только что из печи, каравай. Складки такого «плиссе» долго не расходились.

Юбка — та же понёва, только составленная из сбитых между собой полотнищ. Считается, что

изобрели её горожанки. Во вся-ком случае, в деревнях она появилась не ранее середины XIX века. Её родословную можно вести и от сарафана: поначалу юбки и шили как привычные в сёлах сарафаны, но только из более лёгкой ткани. Лиф юбки заменял нижнюю рубашку. Шили их из холста, батиста или ситца - голубого, кубового (синего), стального, розового цветов; зажиточные крестьянки — из покупных тканей: бархата, бенгалина, репса, кашемира, миткаля.

На Кубани, коли девушка надевала юбку, — значит, поёл ей шестнадцатый годок, можно и сватов засылать. Причём в семье не позволялось младшей сестре носить юбку, пока старшая не выйдет замуж: «чтобы не посадить её под корыто», то есть не отбивать женихов. Юбка на Руси — исключительно женская одежда. В Шотландии и поныне носят её и мужчины. В Малороссии хлопцы тоже щеголяли в юбках, но звалась юбкой совсем другая одежда — суконный или нанковый кафтанчик с рукавами и перехватом.

*Фартук с рукавами «жанавеска».
Вторая половина XIX века,
Рязанская губерния*

А вот передник носили равно мужчины и женщины, ибо назначение его — предохранять от загрязнения при всякого рода работах: в кузнице, на мельнице, у плиты. В разных местах называли его по-своему: запон, занавеска, голянка, носов, нагрудник, нагрудень, фартук, хвартук. Известны и праздничные передники, но их назначение — украшать, дополняя костюм. Носили передники поверх рубахи и понёвы или сарафана. Старинные передники, носовки — туникообразная одежда из трёх полотнищ белого домашнего холста, без рукавов. Своё название получила, вероятно, от способа надевания — сей передник насовывали на себя в квадратный или овальный вырез горловины.

Под верхней одеждой мы подразумеваем пальто, шубу, плащ, куртку — всё, что согревает в холода. У специалистов иное, более точное определение: «Верхней русской народной одеждой называется вся наплечная одежда, надевавшаяся русскими крестьянами поверх рубахи, сарафана (или понёвы, юбки) и передника, включая нагрудную женскую одежду (нагрудник, безрукавку, душегрейку на лямках и др.) А венская крестьянская верхняя одежда по конструкции почти не отличалась от мужской, различие заключалось в деталях, размерах и степени декорирования» (Ф.М. Пармон. Русский народный костюм, с. 144).

Летник в женском одеянии соответствовал зипуну в мужском костюме, а опашень и телогрея — кафтану. Летник — накладная одежда длиной до пят, книзу сильно расширяющаяся за счёт вшитых боковых клиньев. Рукава, называемые накапками, — широкие, колоколообразные, срезанные углом, и настолько длинные, что женщине приходилось постоянно держать руки согнутыми в локте, иначе концы их волочились бы по земле. Шили их из однотонных и узорных тканей, например, из камки на тафтяной подкладке, украшали шитьём и вошвами. Вошва — лоскут или вырезок дорогой ткани, пришиваемый, для украшения, к другой ткани; как материею, так у цветом вошвы всегда отличались от тех тканей, к которым пришивались (иначе это были бы не украшения, а заплатки); вышивались золотом, серебром и шелками, унизывались жемчугом, драгоценными камнями. К летнику мог пристёгиваться небольшой круглый меховой, обыкновенно бобровый, воротник, круглого вида, покрывавший грудь, плечи и спину. Очень похожей на летник выглядела шубка — такая же долгая накладная одежда, тоже с длинными, но не столь широкими и откидными рукавами, пришивавшимися более для красоты, так как руки продевали в прорези в полах шубки выше талии. Коли же шубку надевали в рукава, то их собирали на руке во множество поперечных сборок.

А для чего, собственно, делались прорехи? И зачем рукава, если в них руки не продевают? Вероятно, для удобства. Вот я сейчас пишу, за окном — холодный осенний дождик, в квартире — прохладно: отопительный сезон ещё не начался. Продрогнув, сидючи за столом без движения, надеваю шубу. Тепло, хорошо, но... Через четверть часа руки, обремененные тяжёлыми рукавами, устают. Скидываю шубу и... спустя полчаса опять замерзаю. Пробую просто набрасывать на плечи — устаю ещё больше: надо и шубу держать на плечах, чтобы не съезжала, и писать. А были бы прорехи — никаких хлопот: шуба плечи греет, а рукам — простор. Прорехи делались во многих одеждах, в том числе и в княжеских: на Руси и княгини не сидели сложа руки — вышивали, шили одежду, пряли, а от безделья маяться стали уже в XVIII веке, но тогда-то и старинных одежд с прорехами не осталось. С течением времени исчезают не только те или иные наряды, но и меняются понятия. Порой одним и тем же словом в разные века называли вещи, совсем не похожие друг на друга. Например, сегодня, услышав слово «**телогрейка**», мы представляем ватную стёганую фуфайку — рабочую одежду. Сравните с тем, как определял это слово справочник старинной одежды в XIX веке: «Телогрея — женская одежда с

длинными суживающимися рукавами, покроем похожая на сарафан, на который и надевалась. Шились из атласа, камки, кутни, объяри, тафты, зарбафа, алтабаса, байберека. Холодные — на шёлковой подкладке, а тёплые — на горностаях, пупках и пластинах собольих, черевах лисьих и белых, с меховой же опушкой; делались с проймами и без пройм, украшались круживом или галуном; застёгивались пуговицами, число которых простиралось от 14 до 24».

Женская шуба. Вологодская губерния, XIX век. Шёлковая ткань, мех горностаия и белки

Вы, вероятно, заметили: в первом случае одежда названа «телогрейкой», во втором — «телогреей». Язык наш очень чуток: грубую, рабочую одежду и назвал словом поглубе.

А вот душегрею ныне не встретишь ни в гардеробе, ни в языке: с победой диалектического материализма в 1917 году стали считать, что никакой такой души у человека нет, а есть только мясо, кости, кровь да условные рефлексы. Раз нет души, то и греть нечего, так и вышла из обихода красивая — по покрою и имени — одежда.

Душегрея — самобытная русская одежда, носили её женщины всех сословий, однако для простолюдинок она являлась не повседневной, а праздничной одеждой. Надевали её поверх сарафана. Она была короткой, немного прикрывала талию, и лишь в редких случаях достигала середины бедра. Держалась на широких коротких бретелях, сзади сходящихся к центру спины.

Спереди застёгивалась и была весьма узкой, немного расширенной в боках, но на спине она расширялась за счёт крупных трубчатых складок, сильно расходящихся книзу. Шили душегреи из дорогих нарядных тканей, вышивали узорами либо обшивали по краю декоративной полосой.

В 1949 году в долине Пазырык на Алтае археологическая экспедиция Академии наук СССР и Государственного Эрмитажа вскрыла скифский курган — единственный в своём роде, ибо в других курганах находили золотые украшения, посуду, истлевшие остатки тканей и кости скелетов, а тут взорам ученых предстали предметы, какими они были двадцать пять веков назад! Мало того: в саркофаге лежали двое — смуглый, чуть скуластый воин и белолицая женщина с маленькими изящными руками; хотя они и были забальзамированы, но что позволило им пролежать в земле две с половиной тысячи лет как одно мгновение? Вечная мерзлота!

В том же захоронении обнаружили лошадей, а в их желудках осенние травы, что позволило понять, как совсем не в суровых краях получилась вечная мерзлота. Похороны состоялись осенью, дожди залили склеп, вода замёрзла, потом над склепом по традиции насыпали большой курган, завалив его сверху огромными валунами. Они-то и не давали лучам летнего солнца растопить ледяную могилу.

Клара Моисеевна Моисеева в книге «Люди ищут забытое царство» (М., Детская литература, 1979) так описала наряд скифянки из Пазырыкского захоронения: «На ней одежда из тонкой кожи с меховой подпушкой. Нарядный нагрудник из беличьего меха расшит пёстрыми аппликациями и оторочен голубым горностаем. Древняя франтиха покрасила белый горностаий в голубой цвет. Очень изящно сделаны женские башмачки из тонкого сафьяна, расшитого причудливым узором, а подмётка вышита бисером». Скифы верили в бессмертие души, в загробную жизнь, а потому положили в склеп много вещей, в том числе и куски материи: «Среди тканей, сделанных древними ткачами, есть тонкая мягкая материя, вытканная из шерстяного пуха — лёгкая и красивая. А рядом шерстяная ткань с диагональным рисунком. Ткани окрашены в синие, красные, коричневые, зелёные, жёлтые цвета. Вероятно, очень красиво выглядела одежда, украшенная мехами и вышивками».

Не правда ли, наряд современницы Геродота похож на княжеские одежды русских женщин XI-XVII веков?

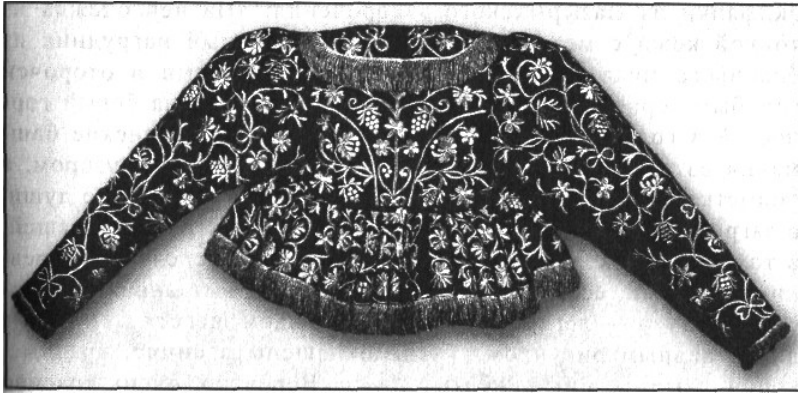

Праздничная женская одежда. Север России. Первая половина XIX века.

Душегрея — «шугай». Короткая, с длинными рукавами, с воротником, спинка выкроенная, отрезная по талии, заложена трубчатыми складками на льняных очесах, из голубого штофа русской фабричной работы конца XVIII века. По вороту, полам, нижнему краю обшита золотой бахромой.

Сарафан косоклиный, распашной, из голубого рубчатого узорного шёлка русской фабричной работы конца XVIII века, украшен золотым, зубчатым галуном, пуговицы серебряные.

Ожерелье. Низано перламутром, украшено цветными стёклами.

Душегрея. Конец XVIII— начало XIX века. Нижегородская губерния. Шитьё в прикреп высоким швом по карте золотыми и серебряными нитями по красному бархату. 60x158. В узоре — растительные побеги с цветами и гроздьями винограда, перевязанные бантами

Женщина в нижегородском праздничном костюме. Фотография 1900-х годов.

Бархатная душегрея с галуном, шёлковый сарафан, бархатный головной убор с галуном, покрытый платком

великокняжеская верхняя одежда; с течением лет слово стало именовать совсем другой наряд). К середине XIX века шугай вышел из обихода, о чём можно судить по описанию В. И. Даля: «К шугаю идёт юбка, платок на шею, концами под шугай, и платок на голову; это бывшая одежда старух, в городах». Шугай в разных местах России называли то «епанечкой», то «трубалеткой», то «сорокотрубкой» (из-за множества сборок).

К верхней женской одежде относилась также различная нагрудная одежда — кроме душегрейки различали **нагрудник**, **безрукавку**, **корсетку** и т. п. В основе своей это туникообразная рубаха, сшитая из домотканины. Носили его (нагрудник) замужние женщины; девушки, не носившие понёву, надевали такую же по конструкции одежду, но длиннее, до коленей (в Рязанской губернии их звали сарахванами), в то время как нагрудники едва прикрывали талию. Бытовали безрукавные нагрудники и с рукавами, глухие и распашные. Зимой женщины, как и мужчины, облачались в шубы: соболиные, куньи, лисьи, горностаевые, беличьи, зайчиные — смотря по состоянию. Богатые и бедные покрывали шубы тканями разного достоинства: сукном или шёлковыми материями — объярью, камкою, атласом, тафтой червчатой, жёлтого, зелёного и белого цветов. Белые шубы — это почти всегда XVI век, так как в XVII шубы стали покрывать цветными тканями с золотыми узорами.

Интересна перемена цвета шушпана — женского суконного или холщового кафтана: чем древнее он, тем темнее; наиболее ранний — чёрный, затем — коричневый, красно-лиловый, тёмно-красный и ярко-красный; темно-жёлтый постепенно переходил в светло-жёлтый, зелёный — в ярко-зелёный. Связано это с развитием красительной промышленности. Шерсть красили растениями: крушиной — в

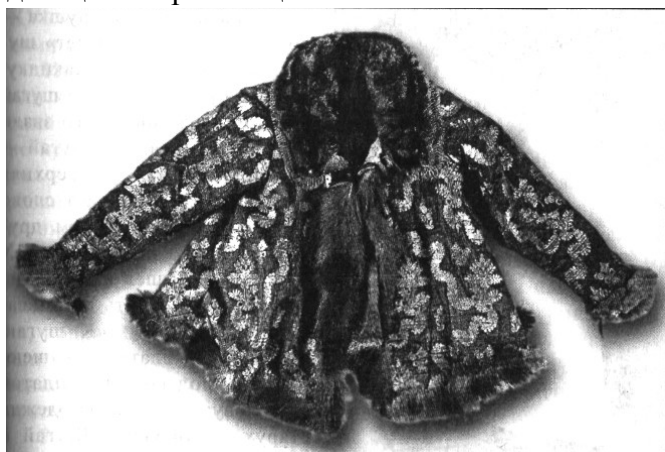
Нам кажется странным, что короткая кофточка звалась душегреей, ведь по современным понятиям душа — нечто неосязаемое, неуловимое, неизвестно как связанное с телом. В православном же царстве, где на атеистов смотрели как на сумасшедших, любой христианин знал, где искать душу: в ямочке на шее, над грудной костью, под кадыком. Теперь мне понятно, почему бабушка, поправляя мне шарф, говорила: «Мороз-то какой, а ты бегаешь — душа вся наружу».

Все вышеописанные женские одежды — свободного покроя, так как нравы того времени не позволяли женщине

подчёркивать фигуру, потому-то все наряды барышень — широки и свободны. Такого покроя придерживались вплоть до начала XX века, хотя ещё в 1856 году наш знаменитый драматург А.Н. Островский, изучавший быт крестьян Верхней Волги, замечал: «Старый живописный наряд девушек — шубка или сарафан, кисейные рукава и душегрея, у которой одна пола вышита золотом, — начинает выводиться. Место её заступает пальто, а вместо повязки с рясками (поднизи из жемчуга) покрывают головы шёлковым платочком. Пальто, которые пошли теперь в моду, длинные и узкие, с перехватом на талии. Они шьются из шёлковой материи ярких цветов, большей частью, бывают голубые и розовые. Сжимая, они безобразят фигуру».

В старину единственная приталенная одежда русских женщин — шугай. По покрою — это кофта с отрезной по талии спинкой. Шугай, как и душегрея, имел прямой, сравнительно узкий перед с разрезом, причём разрез делали не прямым — по диагонали. Сзади нижняя часть шугая — баска — от талии собиралась в пышные сборки. Доходил он до бёдер. Изготавливался в большинстве случаев на меху, куделе или вате, часто оторачивался беличьим мехом. Рукава — длинные, суживающиеся к запястью от ладони до локтя собирались в мелкие складки. Меховой воротник и меховая опушка — вот и завершён «портрет» шугая. Носили его как внакидку, так и в рукава. Если же шугай шили без рукавов — его звали бугаем. (В древности бугай —

зелёный цвет; пупавкой — в жёлтый; сандалом — в тёмно-красный, мареной — в алый; кубом (растение indigo) — в синий. Использовали и насекомых — кошениль и комаху. Кошениль — червец, насекомое в виде клопика, водящееся на кактусе. Добываемая из него краска, червец или кармин, окрашивала ткань или пряжу в цвета красных оттенков. Комаха — красильный червь; из него приготавливали краситель, дающий багряный цвет.

*Шубка зимняя (шугай). Вторая половина XIX века.
Архангельская губерния*

Рукава женских шуб украшались по краям круживом. Круживо снималось и хранилось, переходя от матери к дочери, как семейная драгоценность. Украшением мог служить и... мех: к беличьей шубе, к примеру, пристёгивали ожерелье из бобра.

Вот так одевались наши предки по будням и праздникам. Конечно, перечень далеко не исчерпан: рассказано лишь об основных разновидностях старинного русского костюма. (Более полный обзор — в конце книги, в приложении «Толкования слов, касаемых старинных одежд и облачений, головных уборов и обуви, данные Владимиром Ивановичем Далем»). Однако описание костюма будет не полным, если мы не скажем об обуви и о головных уборах: без

Верхняя женская одежда — шушпан. Тамбовская губерния. Вторая половина XIX века.

Туникообразный, распахивной, длинный, с длинными рукавами, из дмотканой шерсти, украшен узорными нашивками и полосами гладкокрашенной ткани

того и без другого на улицу не выходили: «по морозу босиком» бегать к милому хорошо только в песне, ну, а с непокрытой головой показываться на люди запрещала традиция.

На протяжении тысячелетий самая распространённая обувь у нас — лапти и сапоги. Летописный рассказ о походе великого князя киевского Владимира Красное Солнышко в 987 году на болгар даёт образное представление, чем одни отличались от других. Когда князь осматривал пленников, его воевода Добрыня, заметив, что болгары «суть вси в сапозех», посоветовал князю: «Им дани нам не платить: лучше пойдём на лапотников». Конечно, не все болгары ходили в сапогах, как и не все русичи - в лаптях: сапоги — признак зажиточности, бедняки же могли позволить себе только лапти: «Лапотъ знай лаптя, а сапог сапога!» Да и люди состоятельные не за каждым разом обували сапоги: в лаптях удобно косить сено, идти в лес по грибы и ягоды. Шутливая пословица закрепила «взаимоотношения» «бедной» и «богатой» обуви: «Не обессудь в лаптях — сапоги в санях лежат». Не далее, как ещё в начале XX века многие крестьяне отправлялись в город в лаптях, неся в котомках за плечами сапоги, в которые обувались на подходе к городу, справедливо полагая: по просёлочной дороге пройти можно и в лыковых лаптях. Пожалуй, только в скифские времена наши предки не знали иной обуви, как сапоги: огромные стада позволяли шить сапоги всем, да и в степи сплести лапти не из чего.

О лаптях упоминает Лаврентьевская летопись под 985 годом, но, несомненно, бытовали они и раньше. Лаптям, в которых русский человек прошагал из каменного века к стартовой площадке космодрома, надо бы поставить памятник. А вместо

этого их... оклеветали. «Лапотная Русь», — презрительно отзываются о нашем прошлом те, которые и на свет-то не появились бы без лапотной Руси. Лапти сделали символом отсталости («вы-де лаптем щи хлебаете»), хотя они ни в чём не виноваты и не нуждаются в оправдании. Напротив, оправдываться нужно хулителям народной обуви: глупо осуждать прошлое, быт людей минувших времён. Если кому-то удобнее щеголять в кроссовках — ради Бога, зачем же иную обувь объявлять варварскою? Не следует забывать предостережение одного мудреца: «Если ты выстрелишь в прошлое из пистолета, то

Нижегородская народная обувь: лапти, комбинированные туфли, коты, полусапожки на шнуровке

будущее выстрелит в тебя из пушки». Японцы, к примеру, помнят об этом, чтут традиции — и в кимоно делают очень даже неплохие компьютеры.

Лапти и компьютеры. Последние собрать не в пример труднее. Царь Пётр I тоже полагал, что «дело вести — не лапти плести». Взялся за лыко и... Опозорился, запутавшись в хитросплетениях древесных плетешков: «Не учась и лаптя не сплетёшь». Это уж мастера, поднаторевшие в ремесле, отзывались о чём-либо мудрёном: «Это не лапоть сплести», (т.е. не вдруг сделаешь), а попервости, да и уже освоив дело, убеждались на собственном опыте — «лапти плести, одна в день есть»: много не выработаешь, хлопот хватает, а заработок мал. Впрочем, умельцы умудрялись выплести по пять — десять пар в день.

Курская народная обувь: лапти лыковые, чуни из веревок, коты

*Крестьяне южных губерний.
Фото 1900 годов.*

На женщине — холщовый запон с длинными рукавами, украшенный полосами ткачества, лентами, ситцем, зубчатым кружевом ручной работы, юбка из мелкоузорного ситца, ситцевый платок, стеклянные бусы, лапти.

На мужчине — косоворотка из фабричной ткани, порты, лапти с онучами, шапка с околышем из бараньего меха

оправдывая приветствие «Отковыривай здорово!» — так говорили хозяину гости, ежели заставляли его за плетением лаптей.

Лапти без обор — для дома и двора, вроде как тапочки. Они были глубже лаптей и назывались по-разному: капцы, какаты, калти, бахилки, коверзни, чуйки, постолики, шептуны, бахоры, ступни, топыги, босовики (носили на босу ногу). Домашние лапти — ступни, или плетёные галоши, всегда стояли у порога в сенях, и их надевали, чтобы вынести корм скотине, выбежать на минутку во двор, не

Плели лапти из лык, коры липы («лычники»), «мочалыжники» — из мочалы, т.е. липового луба, размоченного и разодранного на волокна; реже из коры ракиты, ивы («верзни», «ивняки»), тала («шелюжники»), вяза («вязовики»), из драни молодого дуба («дубачи»), из пеньковых очёсков, разбитых ветхих веревок («курпы», «крутцы», «чуни», «шептуны»), из конских грив и хвостов («волосняники»), даже из соломы («соломеники»; известны в Курской губернии). Была знаменита на всю Россию своим лапотным промыслом Костромская губерния, обильная липовыми рощами. Там на ярмарку иной раз привозили по сто тысяч пар лаптей. «В лес еду — клетки кладу, из лесу еду — перекалываю». Вряд ли кто из ныне живущих отгадает эту загадку, разве что глубокие старики, которые помнят: лапти оставляли на земле отпечатки в виде клеточек — такова структура их подошвы. (Великорусский лапот — прямого плетения, малороссийский и белорусский — косоуго). Подошву называли плетнём. Перед лаптя — головой, головашком. Каймы с боков — ушником или обушником. Что такое запяток — понятно из самого названия. Обушники сходятся на запятники и, связываясь, образуют оборник — петлю, в которую продеваются оборы. Оборы — это длинные бечёвки, шнуры, лычаги, которыми вкрест обвивается нога до колена. «Летели две сороки; у них четыре хвоста», — загадка о лаптях, а про оборы народ сочинил поговорку: «Ленивый обувается, до обеда оборы мотает». Оборами прикреплялись к ноге онучи — портянки, длинные неширокие полоски ткани (онучами обёртывали ноги и носившие сапоги). Так что загадка «В липовом корытце живое мяско шевелится» не совсем верна: мяско — нога — шевелилась не непосредственно в лапте, а в холщовой или шерстяной мягкой портяночке.

Драли лыко с лип весной или в начале лета: в эту пору оно хорошо снимается. Лучшее лыко — с молодых деревьев. Отмачивали лыко в тёплой воде: тогда кора легко соскабливается, получается луб.

Для крепости лапти подковыривали — проплетали лыком или конопляной верёвкой; лапти с подковыркой — это двойные, проплетённые. Если же подковырку делали узором либо цветной пенькой — такие лапти назывались писаными. Подковырка лаптей — особая отделка их вторым, узорочным проплётом — позволяла ходить в лаптях даже в ненастье: умело сплетённый лапоть воду не пропускал! Но были и такие, — их называли «рачки», — которые плелись специально редкими: на мокром лугу, на покосе, вода как легко входила, так же быстро и выходила: по дороге домой лапоть скоро обсыхал.

Наши левши, и блоху подковавшие, умудрялись из коры и кореньев сплести изящную, красивую и прочную обувь, словно

связываясь с хлопотными портянками и онучами.

Плели лапти одинаково на правую и на левую ногу, судя по пословице: «Только лапоть на обе ноги плетётся, а и рукавички розни». Хотя в древности русские плели лапти разными — для левой и правой ноги, потом переняли у татар, мордвы, чувашей «моду» на неразличимые: если рвался лапоть с одной ноги, его могли быстро заменить любым другим, не разбирая, с какой он ноги. Изнашивались лапти летом дней за пять, а зимой — за десять. «В дорогу идти — пять пар лаптей плести», — говорили в народе. Герасим Алексеевич Скопин, дьячок Крестовоздвиженской церкви Саратова, «1787 года мая 11 числа», как он пишет в дневнике, вышел из Саратова в Киев, на богомолье. В дневник заносил любые, самые незначительные происшествия, случившиеся с ним в пути. Через девять дней, немного не доходя до Тамбова, Скопин отметил: «Прошёл село Малые Таленки, немного отдохнул, калач съел и яйца, данные в Кирсанове, и обул новые лапти и пошёл в 9 часу пополуночи. Увидел город Тамбов издалека». Значит, одной пары лаптей хватало, чтобы за десять дней пути дойти от Саратова до Тамбова!

Основные виды древнерусской кожаной обуви: а - в — ажурные ботинки; г — полусапожок; д — детский ботинок; е — поршень; ж — сапог

В середине XIX века лапти в базарный день стоили три копейки, а сапоги — несколько рублей.

Сапоги — самая древняя русская обувь. «У кого две кожи на ногах?» — «Кто в сапогах». Шили из телячьей кожи, из коровьего опойка, из конской кожи, из юфты (кожи быка или коровы, выделанной по русскому способу, на чистом дёгте), у богатых — из персидского и турецкого сафьяна (выделанной козловой кожи). «Сквозь лошадь и корову свинью и лён волокнут», — в этой поэтической загадке изображён процесс тачанья сапогов: сквозь конскую либо коровью кожу провздевали щетинку (жёсткий свиной волос) и льняную нить, коей шивали отдельные части сапог: перед, задник, голенище и подошву. В Киевской Руси шили их с острыми, загнутыми кверху носками, как запечатлено на рисунке в Изборнике Святославовом, с сам князь Святослав (сын Ярослава

Мудрого) изображён в зелёных, а сыновья его — в красных сапогах. Встречались цвета чёрный и жёлтый. В обиходе были также доходящие до середины голени полусапожки с разрезом спереди, зашнуровывавшиеся или застёгивавшиеся. Впоследствии нарядные сапоги стали украшать золотыми и серебряными прошивками, галунами и узорами, унизывали жемчугом, усаживали драгоценными камнями. Вместо кожи использовали бархат и атлас. Голенища то срезывали напереди углом кверху, то делали круглыми; носили их либо спущенными до половины икр, либо поднятыми, иногда подвязанными под коленом, а то и стянутыми ещё и под икрами. С долгими и мягкими голенищами назывались - сапоги с напуском. Голенища шили круглые, шести- и восьмигранными.

В старину порты шили короткими, чуть ниже колен, потому сапоги изнутри подкладывались холстиною, заменяя брюки. Сапоги снабжали высокими железными подборками (каблуками) и подковами, со множеством гвоздей по всей подошве (серебряными гвоздями подбивали обувь князьям и боярам). В конце XIX века сапожники начали подбивать подошвы берёзовыми гвоздями. Саратовский мастер Юрий Андреевич Шмельков, учившийся сапожному ремеслу в 1940-х годах и протачавший более полувека, ещё застал берёзовые гвозди. Он отзывается о них с почтением: они держали подошву не в пример лучше нынешних клеев и ниток. Старообрядцы не признавали обувь на гвоздях — «в таких сапогах скоморохи плясали». Не носили и с подковами на каблуках: «Кони бывают кованы, а мы — люди».

В начале XX века щеголи выхвалялись сапогами со множеством складок (гармошкой). Чем больше складок, тем считалось шикарнее. Складки — толщиной примерно в палец — имели совершенно правильную круглую форму. Для этого под кожу вшивалась круглая верёвка — получалось кольцо; отступая полсантиметра, снова вшивали кольцо. Таких колец на сапоге было пять-шесть.

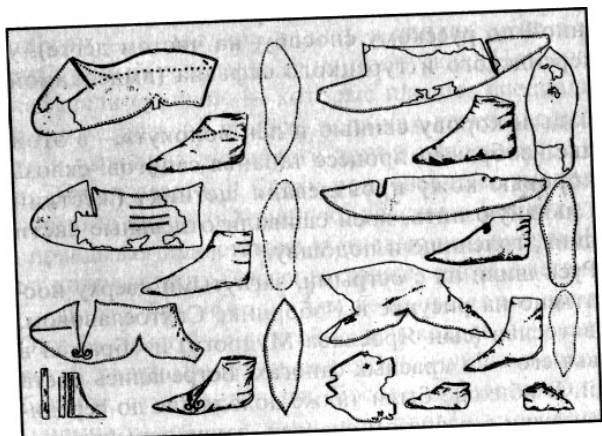
Некоторые заказывали специально сапоги со скрипом. Для получения скрипа между подошвой и стелькой делали прокладку из бересты или насыпали туда сахарный песок.

Сопло реактивного двигателя и — сапог. Есть ли у них что-нибудь общее? Пожалуй, ничего, разве только название, идущее от одного предка — древнерусского слова «соп» — труба. Голенище похоже на трубу, отсюда и «сап-ог» (от того же корня и «сопля» — штанина).

Случалось, не только богатые, но и бедные нашивали сапоги, вернее — разношивали: барин, пошив новые сапоги, не желая набивать мозоли, отдавал их в обноску слуге; когда же обомнёт-оботрёт обнову — надевал сам.

С древнейших времён и вплоть до XX века бытовала на Руси обувь, которую не шили, а... гнули из лоскута сырой кожи или шкуры толщиной в 2-2,5 сантиметра. Называли её «поршнями», «курпами»,

«опанками», «постолами». Поршень представлял собой подошву, края которой стягивались у подъёма ноги лыком, шнурком или ремнём. Лучшие поршни - из свиной кожи, похуже — из конины; на Русском Севере гнули их из тюленьей кожи. Поршни — незаменимая обувь на покосе, где резучая трава. Сделанные не из выделанной кожи, а из мохнатой шкуры, они вошли в поговорку: «Поршнями медведя не испугаешь: сам космат».

Разновидности конструкций мягкой обуви VII—IX веков (материалы старолadoжских археологических находок)

Советские археологи при раскопках в Москве, Новгороде, Пскове и Старой Ладого обнаружили довольно-таки хорошо сохранившуюся кожаную обувь русичей. Самая древняя, старолadoжская, шита в VII—IX веках: мягкие ботинки, составленные из двух деталей — верха и подошвы. Лёгкие, узконосые, с невысоким подъёмом, они плотно облегли ногу, что достигалось с помощью ремешка-продержки, пропущенного через прорези.

Изучив находки, исследователь института лёгкой промышленности Е. И. Ояева подразделила обувь VII—IX веков на три вида: поршни, мягкие ботинки (или туфли) и сапоги. У сапог более жёсткая подошва и твёрдая задинка, нежели чем у поршней и туфель. Её коллега С. А. Изюмова в четвёртую группу выделяет полусапожки. В

древнерусских летописях обувь называется «прабошни черевьи»; здесь «черевьи» — мягкие части кожи, располагавшиеся на чреве животного; из этих «черевьев» и гнули поршни.

Извлекли из земли и чеботарские инструменты: ножи, прямые и кривые шилья, иглы, деревянные обувные колодки, гвозди, струги (струг — нож с двумя поперечными ручками по концам для строганья вчерне). Поразительным оказалась не только их хорошая сохранность, но и похожесть орудий труда новгородских сапожников XI века на инструменты сапожников-кустарей XIX — XX века!

Замечательный русский писатель Василий Иванович Белов в 1940-е годы учился сапожному мастерству и затем в книге «Лад» передал поэзию этого нелёгкого, но почётного и всем нужного ремесла: «Сапожник, воспитывая терпение, показывает мальчонке кубышку — веретено тонкой хорошей пряжи. Через крючок, вбитый в оконный косяк, протягивает четыре или шесть нитей на длину будущей дратвы. Разделяет их пополам (по две или по три) и от крючка начинает сучить дратву. Прижимая каждую пару ниток ладонью к колену, он скручивает их, а скрученные пары, в свою очередь, уже сами скручиваются друг с дружкой. Получается дратва. Но её, не снимая с крючка, надо ещё тщательно проварить: десяток раз продёрнуть через кожаную складку, в которую наложен вар. Один запах этого чёрного клейкого снадобья, сваренного из пчелиного воска и еловой серы, то есть смолы, приводит сапожника в особое рабочее состояние!

Сапоги женские праздничные. Конец XIX века. Тульская губерния

Обувь и перчатки царей и богатых людей. XVII век

Однако дратва без щетинок ещё не дратва, а полдратвы. Льняные концы её, исходя на нет, кончаются тончайшими волосками. Свиная же щетина, если она настоящая, имеет особое свойство: щетинку можно расщепить, разодрать надвое вдоль. Сапожник на глазах у мальчишки берёт из пучка щетинку, расщепляет её до половины, вставляет в этот расщеп конец дратвы и осторожно скручивает его сначала с одной из щетинных половинок, затем с другой. Готово! Одно дело сделано. Теперь бери шило, шпандырь и садись тачать голенища. Но сапожник почему-то не спешит садиться на свой низкий складной стул, он начинает протаскивать с веретена на крючок новые нити. Несколько моточков готовых дратв всегда должны быть в запасе даже и у дурного работника.

Ах как хочется потачать! Опытный мастер, конечно, заставит научиться делать то, что надо, но не будет он и судьбу искушать: детский интерес может так же быстро погаснуть, как и вспыхнуть. Поэтому, вознаграждая юного любознательку за терпение, сапожник даёт сделать ему несколько стежков...

Сапожная лавка в Москве.
XVI век. Рис. А. Олгария

Та же история выходит тогда, когда хочется позабывать деревянных шпилек в подошву или в наборный каблук, позабывать с таким же смаком, как делает это сапожник... Нет, не получишь ты молотка, научись сперва делать эти самые деревянные гвоздочки...

И вот будущий мастер лезет на печь, достаёт с кожуха засохшие берёзовые кружки, отпиленные на длину гвоздика. Эти кружки он колет молотком и ножом на равные, одинаковой толщины плиточки или пластинки, каждую такую плиточку, уперев её в специальный упор в доске, заостривает с одного края сапожным ножом. И только потом, сложив несколько плиточек одна к другой, можно подрезать их снизу, уже наполовину заострённые, и скалывать гвоздики. Подрезал — сколол. Берёзовые шпильки с хрустом отваливаются от убывающих плиточек.

Мастер — художник, человек, обладающий талантом или хотя бы стремлением сделать не хуже других, — каждому звену своего профессионального цикла придаёт слегка ритуальный, торжественный смысл.

Так, сапожник, придя к заказчику и разложившись со своим инструментом на лавке напротив окна, начинает вначале замачивать кожу (сапожники работали и у себя на дому, но чаще ходили по деревням, жили у тех, кому нужны сапоги). Хорошо выделанный товар — залог сапожной удачи. Так вновь объявляется взаимная связь, зависимость в труде от других дел и людей. Если скорняк выделал кожу шатай-валяй, сапожнику не позавидуешь.

Раскроив товар и замочив кожу на голенища, мастер точит инструмент. Чего только нет в его обширной торбе, кроме двух крюков — этих больших досок с очертаниями сапога. Тут и ножи трёх-четырёх сортов, и клещи, и плоскогубцы для стягивания размоченных головок на колодку, тут и шилья, разные по длине, толщине и форме. Молотки, разгонки, рашпили и даже деревянный «сапожок» для заглаживания ранта.

После того как всё готово: и дратва, и берёзовые шпильки, и кожа вымочена, сапожник начинает вытягивать первый крюк. Он закрепляет гвоздями на кривой (отсюда и слово «крюк»), вытесанной из елового корня сапогообразной доске размокшую кожу. И начинает её тянуть на обе стороны, разглаживать образовавшиеся складки до тех пор, пока они не исчезнут. Это трудная, требующая терпения работа. Бывало и так, что со свистом летели к дверям клещи и молотки.

Северные сапожники не признавали головок с язычками, фабричным способом вшитых в голенища. Сапожнику надо было обязательно вытянуть крюки, то есть сделать головки и голенища из одного цельного куска кожи. Вот и пытели, разгоняя не исчезающие упрямые складки.

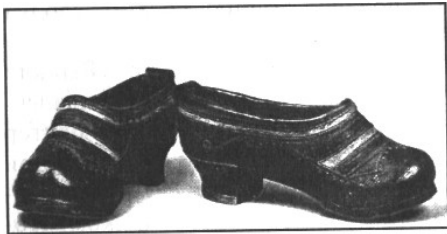

Чулки, носки женские, мужские и детские. Конец XIX— начало XX века. Самарская, Пермская, Тульская, Курская, Рязанская, Архангельская губернии

Наконец крюк вытянут. На сгибе кожа как бы потолстела, сгрудилась, а на углах, которые будут соединены в задник, вытянулась и стала тоньше. Всё закреплено железными гвоздочками. Пока оба «крюка» выстраиваются, принимая нужную форму, сапожник делает что-либо другое: то башмаки сошьёт хозяйке (на двор к скотине ходить), то подмётки подколотит или обсоюзит старые сапоги. (Обсоюзить — обшить вносившиеся головки сапог новой кожей).

Непосредственное шитьё начинается с притачивания к голени так называемой подклейки, то есть внутренней подкладки. Если эта подклейка не на весь крюк, то нижние её края мастер притачивает лишь к мездре голенища, он не прокалывает кожу насквозь. Не дай Бог если он плохо её пришьёт! Заказчик, снимая однажды сапог, может вытянуть ноги из голенищ вместе с подклейкой. Такому сапожнику позор!

После того как подшита подклейка, тачают собственно голенища, затем пришивают задник, эдакий внутренний карман на месте пятки. Вставляют туда берестяные пластинки и для твёрдости прошивают несколько раз. Только после этого можно сажать сапог на колодку и класть на неё стельку. Кожу на колодках опять тянут плоскогубцами, крепят гвоздями и дратвой, плющат и заравнивают. Прежде чем прибить подошву, мастер обносит рантом всю сапожную ступню, срезает, сводит на нет прибитую по краям полоску кожи.

*Коты — праздничная женская обувь.
Воронежская губерния. XIX век*

*Слева — меховая обувь, справа —
валяная обувь*

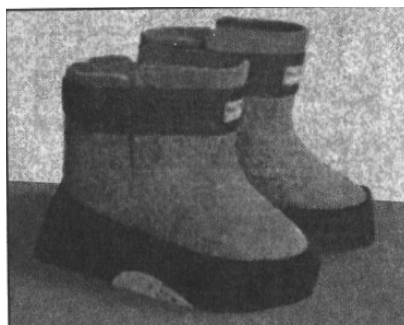
На подошву идёт бычати́на — отборный товар. (Бывали времена, когда пара подошв становилась денежным эквивалентом). Если заказчик холостяк или отменный модник, мастер подкладывал под подошву берестяные язычки, которые при ходьбе, при пляске скрипели. Иметь сапоги «со скрипом» считалось у холостяков и молодых мужиков особым шиком. Подошву прибивают тремя рядами берёзовых шпилек, потом из кожаных обрезков набирают каблук. Всё это ровняют, закрашивают и наконец зачищают изнутри кончики шпилек. Если товар мягкий и опять же заказчик модник, сажают сапог «на солому». Выстоявшись «на соломе», голенище приобретает форму гармошки

Многие сапожники во время работы пели, другие любили побалагурить».

В середине XIX века под обувью подразумевали «всякую одежду ног, верхнюю или исподнюю: носки, карпетки, чулки или обёртки, подвёртки, онучи; сапоги, бахилы, упакы, коты, башмаки, кенги; валены, катанки; лапти разных видов с оборами; поршни и прочее» (В.И. Даль, Толковый словарь живого великорусского языка, т. II, с.628).

Ну, о **носках** можно особо не распространяться: они как и **варежки с перчатками**, — неотъемлемая часть нашего костюма. **Карпетки** — полуноски, получулки. **Чулки** согревали наших барышень, юных и пожилых, ещё на памяти ныне живущего среднего поколения, но в 1970 годах их вытеснили колготки. Чулки в старину вязали из тонких и толстых шерстяных ниток; они закрывали всю ногу и крепились подвязками. В отличие от сапог и лаптей валенки — не столь древняя обувь, если судить по тому, что специалисты называют их родиной Семёновский уезд Нижегородской губернии: Нижний Новгород основан в 1221 году. Некоторые историки одежды (Г.С. Маслова, Ф.М. Пармон) называют дату рождения валенок и вовсе нам близкую — начало XIX века.

Намного старше валяных сапог валяные **коты, чуни, кенги** — обувь с суженным голенищем. Вероятно, валенки и произошли от котов: первоначально валенки валяли в два приёма — изготавливали низкие валяные коты, а затем уже пришивали голенища. Впоследствии научились валять их целиком, на колодке.

Валенки из России в Париже

В первой половине XIX века по всей России носили грубошерстные, натёртые пемзой твёрдые и гладкие валенки, а также чёсанки: мягкие, с начёсом (отсюда — и название) валенки из тонкой поярковой шерсти. Валенки называли ещё катанками, катанцами, а в Сибири, Северном Казахстане — пимами, а валяльщиков называли пимокатами. В сырую погоду на валенки надевали лыковые ступни, а в XX веке — резиновые галоши. Лет десять назад валенки в городе почти не встречались, Валяльная фабрика в Энгельсе почти всю продукцию отправляла на Север: волжане-горожане, бывая на морозе лишь по пути на работу и с работы, считали: валенки им ни к чему.

Сегодня многим валенки пришлись и по ноге, и по нраву: обратите внимание — почти все продавцы на лотках зимой предпочитают валенки. И то — хотя «мороз не велик, а стоять не велит» в ботинках, а в толстых жарких валенках, скатанных из овечьей шерсти отчего же не постоять? Нужда вернула моду на валенки.

Так же лет тридцать назад возвратились к нам из Древней Руси и женские сапожки. Наши модельеры позаимствовали их не из старинных миниатюр — «подглядели» у... парижанок: когда тамошние модницы стали щеголять в расписных сапожках по набережной Сены, тогда признали модной прабабушкину обувь и на берегах Волги, Днепра, Амура и Енисея. А недавно, уже в конце 1990-х годов, ещё два предмета гардероба наших предков «прописались» в Европе: в Италии модницы стали щеголять в... шапках-ушанках (правда, сестры Фенди, конструкторы головных уборов, лишили нашу ушанку стёганой подкладки, лишили тяжеловесности. Что и понятно: на берегу тёплого моря уши не надо прятать от морозов); в апреле 2000 года во Франции прошла выставка «Валенки-2000».

Известный во всём мире французский кутюрье (конструктор одежды) Ив Сен-Лоран во второй половине 1970-х годов создал русскую фантазию, вдохновляясь образами северного русского костюма XVIII — начала XIX века. И его наряды произвели впечатление. Но не спешит (или ей не дают

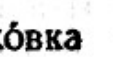
спешить?) мода на русский костюм в Россию. А ведь наши наряды XVII или XIX веков — неисчерпаемый клад для модельеров и портних: ничего не надо выдумывать, бери готовое и приспособляй к современным тканям и фабричному производству. Покрой и фасон можно подобрать на любой вкус — одних только мужских шляп в XIX веке насчитывалось столько и так они различались друг от друга, что даже у гениального Владимира Ивановича Даля не хватило слов, чтобы их описать, и он в своём словаре нарисовал их: Вот так:

ШЛЯПА ж. мужская головная покрывка, изъ твердаго припаса; кожаная, бумажная, валяная, поярковая, соломенная *впр. Круглая шляпа, съ прямою тульей, стопкою, и круглыми полями. Треугольная шляпа, служебная и лакейская. Рускія шляпы* разнх. видовъ

зовутся: кучерская или прямая ровная :

съ подхватомъ ; съ переломомъ ; шпилекъ простой или бурлацкая ; шпилекъ московскій ; шпилекъ ровный ; кашникъ ;

верховка ; шляпокъ, ямская ; поповская

 ;

Есть еще: срѣзокъ, похожая на верховку;

Владимир Иванович Даль старался каждое слово разяснить кратко, ибо слов в русском языке много (в его словарь попали не все, и то их набралось свыше двухсот тысяч; ни в каком другом языке мира нет такого богатства!), и если бы не сжатость изложения, то пришлось бы ему к четырём толстым томам добавлять ещё не один.

Его современник, этнограф и писатель Сергей Васильевич Максимов, не связанный рамками краткости, в пространном очерке «По Сеньке шапка» в начале 1880-х годов рассказал о головных уборах, как о венчавших костюм русских людей в старину, так и о тех шляпах, картузах и платках, кои начинали вытеснять прежние колпаки и кокошники, по словам С.В. Максимова, «особенно в нынешние переходные времена, когда изменяется наново всё лицо земли русской».

Хотя перемены касались и народного костюма, однако женских головных уборов — не столь явно, ибо, по словам этнографа, «здесь моде бороться труднее, потому что прицепились сюда вековые религиозные обычаи глубокой старины».

Описанием одного из них и начинается С.В. Максимов рассказ о венцах и кокошниках, повойниках и убрусах: «Головной убор женщин играет важную роль, потому что по всем законам (языческим и христианским и у всех известных народов) женщина должна являться всюду с покрытой головой. Намеренно опростоволосить женщину, сорвавши платок, — значит кровно её оскорбить, покрыть её головушку несмываемым бесчестьем.

Весь женский закон на том держится, что деревенская девушка до замужества обязательно заплетает волоса в одну косу и имеет право пустить её по спине открыто, украшенную мимоходом алыми лентами. Она не покрывает голову по праву, представленному незамужним, но как только расплетут ей после венца косу на две прядки и покроют голову, она уж перестаёт считаться и называться девицей: девушка становится бабой».

Перечисляя «головные покрывки» женщин, писатель замечает: «Самые главные и наиболее употребительные: кика, или кичка, кокошник и сорока. Они всем известны, потому что, например, «сороку» носит чуть ли не целая половина России».

Если порты и штаны, видоизменившись, превратились в брюки; если кафтан, приобретя новый покрой, стал пиджаком; если епанча, став не суконной, а прорезиненной, называется ныне плащом, то кики, сороки, кокошники, венцы — почти все старинные русские женские головные уборы напрочь исчезли не только из обихода, но и из памяти народной. Спроси сегодня, чем венец отличается от кокошника, а убрус от ширинки — многие даже и не поймут, о чём идёт речь. А ведь стёрлись не какие-то малозначительные детали костюма — наиболее красивые.

Искусствовед Ф.М. Пармон подразделил девичьи головные уборы на:

Женщина в праздничном костюме Скопинского уезда Рязанской губернии. 1900-е годы. Фотография.

«Сорока» с рогатой «кичкой», с «пушками», вышитый передник с оборкой на груди с узорными полосами и зубчатым краем по подолу

Полотенце (ширинка, намётка) — в виде полотнища холста с затканными концами. Ширинку — полосу холста, часто вышитую, девушки носили, перегибая по диагонали: её получали, отрезая полосу ткани по ширине холста, откуда и название ширинка. Полотенце (намётка) бытовало в основном в западных регионах России.

Обруч из древесной коры (или картона) в виде круга, обшитого тканью, вышитого бисером, украшенного цветами, перьями, жемчугом — налобень, венок, перевязка.

Перевязку из полоски ткани (повязка, лента, почелок, зо-лотнуха и т.п.) — парчи, позумента, золотой вышивки и т.п. с завязками на концах.

Венец (коруна, чёлка, рефедь, рефиль, ряска, головец) городчатый с прорезью, декорированный жемчугом, драгоценными камнями, бусинами с цветными стёклышками, с подкладкой фольги.

Венок из искусственных цветов.

Платок (пластник, подпластник, косинка, фатка и др.), в основном из фабричных тканей, свёрнутый, повязанный вокруг головы и завязанный концами сзади.

Вязаный колпак.

В первые годы замужества молодухи носили рогатые кички; после рождения первого ребёнка их заменяли на лопатообразную кичку или на повойник.

Повойник, у которого много разных местных названий (повязка, фата, плат, ширинка, полотенце) — составлял основание всяких головных уборов замужних женщин. Какое бы название мы ни взяли — кика, сорока, кокошник и т.п. - в толковых словарях их разъясняют как «род повойника».

Колпаки — девичьи и женские головные уборы. Конец XIX— начало XX века.

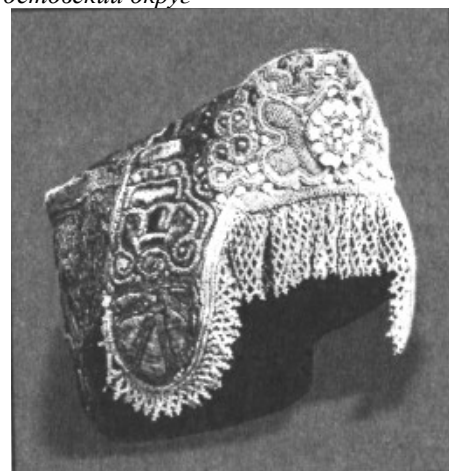
Вологодская, Рязанская, Енисейская губернии, область Войска Донского, Ростовский округ

«Не рада баба повою, рада б покою», - говаривали в старину; здесь слова «не рада замужеству» заменены словами «не рада повою» — неизменному атрибуту замужней женщины. Собственно, повойник — простёганная шапочка домашнего изготовления: высокий, до 30-40 сантиметров холщовый «шлык», на который повивают либо платок, либо узорчатое полотенце.

Кика — нарядный головной убор — состояла из трёх частей. Первая часть — сама кика (или чело) делалась из жёсткого материала (бересты, кожи) и обшивалась дорогой тканью, возвышалась над лицом и сзади стягивалась завязками. Спереди к кикам привешивались поднизи (поднизь — жемчужная или бисерная сетка, бахрома), а по обеим сторонам, близ ушей — рясы (ряса — нитка ожерелья, бус) и сзади бархат или соболь.

Кички различались по форме: рогатые, копытообразные, лопатообразные, котелкообразные, в виде обруча, овала, полуовала. Сверху кики, служа ей дном, находилась так называемая сорока — чехол из дорогой расшитой ткани, низаной драгоценными камнями и жемчугом. Стоила такая сорока баснословных денег — В. И. Даль с удивлением замечает: «Это некрасивый, но самый богатый убор, уже выходящий из обычая; но мне самому ещё случилось видеть сороку в десять тысяч рублей». Вдовы в знак траура носили белые сороки.

Кичка в соединении с сорокой или кокошником — характерный убор крестьянки. Кокошники, кроме крестьянок, носили в городах также мещанки и купчихи.

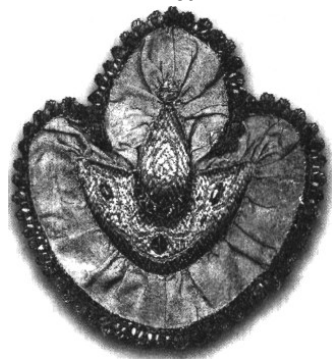
Кокошник — головной убор замужней женщины. Олонецкая губерния, конец XIX века

Женский головной убор — «сорока» с рогатой «кичкой». Тамбовская губерния, Спасский уезд. Вторая половина XIX века. Твердая основа — «кичка», кумачовая «сорока», налобник золотого шитья, — сзади длинные кумачовые ленты, украшенные на концах вышивкой шерстяными и бумажными нитями, мишурным галуном и шёлковой бахромой; по бокам — шёлковая бахрома, блёстки, «пушки»

Сорока — головной убор замужней женщины. Ярославская губерния. XIX век

Косник — украшение девичьей косы. Северные губернии России. XIX век. Шёлк, ткань, цветное стекло, металлическое кружево и блёстки. Золотное шитьё

Кику носили по будням, а кокошник — по праздникам. Кокошник увековечил Венецианов в картине «Девушка в кокошнике». Это — головной убор в виде опахала или округлого щита вокруг головы. Носили его не только замужние, но и девушки, как явствует из названия знаменитой картины. Изготавливали кокошники мастерицы в городах в монастырях; сороку же могла сшить любая крестьянка.

Девичий кокошник — лёгонький веер из толстой бумаги, пришитый к шапочке или волоснику — состоял из начельника (начельник — на челе, т.е. на лбу находящийся) и волосника (род шапочки), со спускающейся позади лентой. Сергей Васильевич Максимов утверждал, что «кокошник... составляет самое красивое убранство женской головы: он на этом основании разрешается даже девицам. Точно развёрнутый веер или круглое опахало, он обрамляет всё лицо и для характерных русских круглых и румяных лиц как будто нарочно, и по особенному заказу, придуман.

Этот бумажный или картонный щиток, расшитый и разукрашенный жемчугом, позументами, поднизями, пришивается сзади к цветной шапочке, что называется в деревнях волосником и донцем, с приспущенной на спину шёлковой лентой». В XVI—XVII веках, пишет Н.И. Костомаров «Очерках домашней жизни и нравов великорусского народа...», «на голову замужние женщины надевали волосники или подубрусники: то были шапочки наподобие скуфьи из шёлковой материи, нередко из золотной, делались с узлом, посредством которого можно было их суживать и расширять, и с ошивкою или оторочкою по краю; эти ошивки унизывались жемчугом и камнями и перешивались с одного волосника на другой и таким образом переходили из рода в род... Поверх волосника накладывался платок, обыкновенно белый, и подвязывался под подбордком; его висячие концы густо усаживались жемчугом. Этот платок назывался ся убрусом. Это был обыкновенный домашний головной убор». В церковь или в гости боярыни выходили в кике или кокошнике. Надевали на убрус также шляпу белого цвета с полями (летом) и шапки чёрного бархата с оторочкой дорогим мехом (зимою).

В конце XIX века **платок** потеснил все старинные головные уборы. Различались платки холщовые с тканым узором по краям, обшитые кумачом и бахромой из шерсти; из набивного ситца: по красному фону — синие, жёлтые, зелёные, чёрные цветы; из цветного — красного или зелёного — шёлка. Платок носили, завязав или заколов под подбордком. Появились шали и полушалки — перстяные или хлопчатобумажные платки. Первоначально платки повязывали поверх головного убора, потом стали повязывать голову только платком. В разных губерниях — по-своему: в Воронежской — концами на макушку; в Калужской, Тульской и Рязанской спадающие концы холщового платка (размером 75 x 65 сантиметров) украшали красной затканной, узорной строчкой, кружевом. Девушки завязывали платок под подбордком или «по-бабьи», концами назад. В Нижегородской губернии староверки, повязывая головы платками, спускали на спину не один, а два конца — это называлось «ропуском». В 1884 году С. В. Максимов приветствовал повсеместное распространение платка и считал его не новым головным убором, а возвратившимся исконно русским. (В старину платок служил денежной единицей; отсюда — слово «платить»). Отмечая, что «полузабытый и почти сброшенный с головы и плеч деревенский наряд вошёл в честь и заслужил большое внимание у всех горожан», он, опасаясь, что это - всего лишь мода, «друг ненадёжный и коварный», всё же с удовлетворением подчёркивал: «Важно и любопытно здесь главным образом то, что ветреная мода сходила теперь за образцами не в Париж и

Берлин, как бывало, а в серую и бедную, но родную русскую деревню».

«В какой народ придёшь, такую и шапку наденешь», - примечает пословица. Какие же шапки бытовали на Руси?

В славянских курганах Киевской области найдены остатки мужских шапок — войлочных и кожаных. Крестьяне носили валяные шапки-колпаки — суконные или войлочные — с глубокой древности и до середины XIX века. Об этих колпаках этнографы замечали, что их даже в конце прошлого века «белорусы надевают в неприкосновенной целости, как носили ещё в доисторические скифы и сарматы». В XVII веке богатые люди шили колпаки из атласа, иногда с околышем, украшенным драгоценными камнями и собольей опушкой.

Валяная шапка — валенка, шолом, яломок — из белого или серого войлока, имевшая форму полусферическую или усечённого конуса, без полей или с высоко загнутыми полями встречалась в Калужской и Орловской губерниях и в начале XX века. В деревнях великорусских губерний носили коричневые валяные шапки цилиндрической формы с небольшими полями — «черепенники», «грешневики», «гречушники».

Семёновский уезд Нижегородской губернии прославился не только как родина валенок, но и своими войлочными шапками и шляпами, о которых С. В. Максимов в очерке «По Сеньке и шапка» повествует:

«На неблагоприятной почве, которая родит хлеб едва на полгода, на голой равнине, где давно истреблён всякий лес, работают заволжские мастера эти изделия с тех ещё времён, когда Козьма Минин с князем Пожарским ходили из этих мест выманывать и выгонять из Московского Кремля литву в валяных же колпаках и поляков в шапках на четыре угла. Не удивительно, что в эти двести с лишком лет семёновские выучились мастерить так хорошо, что нигде не встречают себе соперников, и так скоро, быстро, что успевали обувать ноги и накрывать головы чуть не целой половине Русского государства. К семёновским ходили наниматься в работники из разных мест, у них выучивались, присматривались к приёмам, вызнавали секреты, прислушивались, где какой фасон шляпы любят, и назад возвращались. Ученики в своих дальних и ближних местах заводили такие же мастерские в опустелых и негодных для жилья избах: живёт и такая для мокрого, грязного и вонючего мастерства. Эту старую и полусгнившую избу обычно называют «стиром», и совершенно справедливо: небольшая печь с железной трубой стоит в самой середине избы. В ней устроена низкая лежанка аршина на полтора в высоту и по обеим её сторонам положены деревянные дощатые скаты. На них-то и стирают всякие колпаки. Над очагом вмазан небольшой котёл, чтобы макать в кипяток валяные сапоги либо поярковую шляпу. От страшной духоты и вони непривычным делом мы не и усидеть здесь и пяти минут. Мы были очень довольны уже и тем, что в кислом тумане, сквозь густые пары успели рассмотреть хоть только то, о чём теперь рассказали. Уже в другой избе, на свету, показывали те шляпы, которые разойдутся с ближних ярмарок, особенно Нижегородской, во все стороны Руси...»

Малороссияне. Рисунок XIX века

Шили шапки и из холста — в виде шлыка, полусферы, плотно облегавшей голову. Но, конечно же, меховые шапки - лучшее, что спасает от лютых морозов.

Князья и бояре носили горлатные шапки — сшитые из горлышек куницы, лисы или соболя. Представляла она собой высокий, расширяющийся кверху цилиндр, с бархатным или парчовым верхом высотой с локоть. На прорехе делались петли, обложенные жемчугом таким образом, что получался рисунок — змейка, львиная голова и т.п.

Простолюдины обходились овчинной шапкой — не столь красивой, как соболиная, но не менее тёплой.

Шапка с четырёхугольным верхом — из сукна с меховым или текстильным околышем (в старину её называли рогулька, рогатка) — была известна всем восточнославянским народам. А шапка с наушниками — «треух», «долгуша», «ушанка», «чебак», «малахай» — повсеместна и поныне.

Летом носили картузы — начиная с начала XIX века и до первых десятилетий XX столетия, когда его потеснила с рынка и с голов кепка. Первоначально картуз (шапка с лакированным козырьком, похожая на военную фуражку) носили городские мещане, во второй половине XIX века он проник и в деревню.

В допетровской Руси, как мы уже отмечали, покроем одежд был одинаков во всех сословиях: зипун выкраивали по единому шаблону что царю, что псарю; отличались одежды лишь качеством материала. Не то — шапка: по ней судили о происхождении и знатности человека. Ни один боярин не рискнул бы

щеголять в соболиной шапке покроя шапки Мономаха (весу в ней — 2 фунта 20 золотников без соболя, т.е. 904,2 грамма), как никто из смердов не осмелился бы показываться на люди в горлатной шапке как у бояр, — хотя бы к нему в силки попалась сотня соболей.

Н.И. Костомаров насчитывал четыре рода шапок времён царя Иоанна Грозного.

Первый род — маленькие шапочки из сафьяна, сукна, атласа, бархата или парчи, украшенные золотом и жемчугом, прикрывавшие только макушку (как тюбетейка) и называвшиеся тафьями. Их носили только в комнате, и только знатные люди.

Второй род — остроконечный колпак из белого атласа. Зипун подбивался мехом, который заворачивался наружу широкой полосой. Колпаки носили и крестьяне, но, естественно, не атласные, а суконные или войлочные.

Третий род — четырёхугольная низкая шапка с меховым оксольшком из соболя, лисы или бобра. На ней, как и на колпаке, делались прорехи с пуговками, по шести на каждой прорехе. Вершок колпака — суконный, вишнёвого, червчатого, зелёного и чёрного цвета (на платье чёрный цвет не приветствовался, но на шапках допускался). Эти шапки — будничные головные уборы дворян, дьяков и бояр.

Четвёртый род — вышеупомянутая горлатная шапка. Во время парада боярин надевал тафью, на тафью колпак, а на колпак — горлатную шапку. Вернувшись домой, напяливали последнюю на болванец, нарядно расписанный и служащий украшением в доме.

Шапки носили также царицы и царевны. У царицы Агафьи Симеоновны, жены царя Феодора Алексеевича (1676-1682) были шапки — треухи и столбунцы алтабасные, атласные, зарбафные с исподами и опушками из пластин собольих. Столбунцы — стоячие колпаки. Треух — шапка с тремя лопастями, закрывавшими щёки и затылок. Шились и четырёхлопастные — малахаи: большие лопасти закрывают уши и щёки и даже обматываются вокруг шеи и завязываются на затылке, а две небольшие закрывают затылок и лоб. Голову, уши и шею также берегла от мороза меховая или стёганая шапка — каптур. Каптуры шились не только для людей, но и для... лошадей.

Вообще, среди головных уборов встречались прямо-таки экзотические, и не где-нибудь, а в наших краях. Так, полвека назад в Энгельсе летом на улицу не выходили без сетчатой шапочки, смоченной в керосине. Краевед Владимир Серёженко в очерке «Отзвуки жизни» («Новая газета», №45, 1996) вспоминал: «Сетка закрывала голову, лицо и доходила до плеч. Плели сетки вручную, даже старались придать им щёгольский вид: 3-4 ряда нить, скажем, красная, 3-4 — другого цвета, 2-3 третьего. Я сам умел плести их. Пойти в город, надев сетку, было делом обычным и — необходимым, иначе от мошкеры спасу не будет; комары хоть только к вечеру-ночи наседали, а от мошки и в солнцепёк проходу не было никакого. В иные тихие вечера, смотришь, над верхушками деревьев и кустарников словно дымок вьётся: это, клубясь, столбом толчётся мошка: столб этот и совьётся-разовьётся, и вдруг припадёт к самой листве, и изогнётся дугой... По вечерам соседи любили посидеть на лавочках, непременно врытых в землю около калитки каждого дома; все не умещались — так приходили со своими низенькими табуреточками; и около любой такой посиделки обязательно тлел костёр — без пламени, но с густым сизым дымом; да ещё надо было то и дело ветками обмахиваться, а то комары — вот тут-то, в сумерки, уж комары — заедят. Так бывало каждое лето, вплоть до 49-го или 50-го года, когда над лесом и озёрами Пономарёва острова, бывшего основным рассадником этой нечисти, несколько дней покругил «кукурузник» — самолётчик ПО-2 — и распылил «химию». Кровососов заметно поубавилось. Сетки вышли из употребления». «Кошмарное нашествие» мошкеры и комаров было не только в Энгельсе, но и в Саратове, — утверждает Евгений Павлович Санников. — И не полвека назад, а чуть раньше — летом (начиная с июня)

1941 года, — вместе с нашествием фашистских орд. При отсутствии сеточек под головной убор подтыкали по бокам сзади бумажки, смоченные в керосине, и ходили с такими «украшениями» в центре Саратова без всякого стеснения. А летом 1942 года этого явления уже не было».

«Не нахлобучивай шапку», «Ну чего ты нахлобучил кепку» говорят тем, кто головной убор надвигает на лоб до самых глаз. Глагол «нахлобучивать» — от слова «клобук». (Кстати ещё в XIX веке так и писали — нахлобучивать). Клобук носят и поныне, но только — священнослужители и монахи: клобуком называется шерстяное или шелковое покрывало монашеской камилавки (род чёрной шапочки), с воскрилиями или разрезами по краям. А в старину клобук — княжеское наголовье в виде колпака. Известен он с XI века. В летописи под 1072 годом читаем, как по перенесении святых мощей Бориса и Глеба в новую церковь, во время Литургии «и рече Святослав к Бернови: «нечто мя на главе бодет», и сня клобук». (Полное собрание русских летописей, т. V, с. 146). В те годы князья вместо короны носили клобуки, не снимая их даже в церкви.

Позднее утвердился обычай снимать шапку не только при входе в церковь, но и в виду её: проезжает

мужик по срочным делам мимо храма, — притормозит, соскочит с телеги, снимет шапку, перекрестится на купола с крестами, поклонится - и дальше в путь. Снимали шапку и перед другими святынями. Упомянем здесь об одной, чтимой всеми русскими людьми.

Владимир Мономах

В 1645 году из Вятки в Москву принесён образ Нерукотворного Спаса. Торжественный крестный ход прошёл Фроловскими воротами Кремля в Успенский собор, святыню встретил государь Алексей Михайлович. Через три года икону с крестным ходом перенесли в Новоспасский монастырь, и опять торжественная процессия богомольцев проследовала Фроловскими воротами. В честь этого события царским указом от 16 апреля 1648 года поведено впредь на вечные времена ходить этими воротами с непокрытой головой, и на них поставлен образ Спасителя в золотой ризе, а сами ворота переименованы из Фроловских в Спасские. За хождение через них в шапках виновные обязывались класть публично пятьдесят поклонов, либо же их били батогами в Стрелецком приказе, который располагался в Кремле. Обычай снимать шапки у Спасских ворот бытовал и раньше, Алексей Михайлович лишь узаконил его.

На Спасских воротах, над входом, ныне пустует ниша, где некогда стояла икона, осенявшая Красную площадь — икона Спасителя. Пока пустует. В 1993 году восстал из небытия разрушенный в 1930-е годы Казанский собор на Красной площади, восстановлена рядом Иверская часовня, идут богослужения в воскресшем храме Христа Спасителя... Вернётся на прежнее место и образ Спасителя в золотой ризе, и православные снимут шапки, как и прежде, перед святынею русского народа...

